

Владимир Гурвич

ДЕНЬГИ ДОРОЖЕ

КРОВКИ

Внешность — вещь обманчивая. Полный, добродушный Михаил Фрадков, один из руководителей корпорации «Континент», на самом деле безжалостный убийца. А в подвале его роскошного особняка скрывается мрачная тюрьма. Все это внедрившийся в «Континент» журналист Леонид Бахтин узнает слишком поздно — он как раз в ней и оказался. Правда, за стенами камеры слышна перестрелка, но весть ли это о спасении или приближение смерти — Бахтин не знает.

Владимир Гурвич

Деньги дороже крови

Глава 1

Такого неудачного вечера, как этот, в моей жизни еще не было. Я проигрался в пух и прах. Я ставил фишки на самые разные цифры, но волчок рулетки, словно бы заколдованный, никак не хотел останавливаться на нужном мне числе. Но самое печальное заключалось не в этом, а в том, что я никак не мог остановиться. В меня словно бы вселился бес, который нашептывал мне, что надо продолжать игру и в следующей партии мне непременно повезет.

Я то и дело подходил к банкомату и опустошал свои банковские закрома, который я наполнял не один год. Я никогда не был богатым человеком, а потому финансовых резервов надолго мне не хватило. В этой ситуации мне оставалось лишь делать вид, что ничего особенного не происходит и проигрыш в несколько тысяч баксов для меня значит не больше, чем счет за междугородние телефонные переговоры.

Но под конец вечера банкомат вместо того, чтобы выдать мне очередную порцию «зеленых», выдал надпись, что денег на счету больше нет.

Я поспешно положил пластиковую карточку в бумажник и внимательно осмотрелся: не видел ли кто-нибудь моего позора? Но на мое счастье или скорей несчастье никого по близости не было.

Несмотря на то, что денег больше не было, и я был гол, как сокол, ажиотаж не проходил, змий искуситель, как и некогда нашей прародительницы Еве по-прежнему шептал, что еще не все потеряно, и я обязательно отыграюсь.

В этом казино я бывал часто и потому имел почетное звание постоянного клиента. А этому избранному контингенту в случае нехватки денег предоставлялся кредит. Я подошел к знакомому крупье и небрежным тоном поведал о том, что что-то заело в банкомате и мне нужны наличные. Тот кивнул головой, куда-то исчез и через пару минут вышел с пачкой долларов. Я же взамен расписался на обязательстве вернуть их в срок и с процентами, которые иначе, как грабительские, назвать было невозможно.

Когда я вышел из казино, была уже теплая ночь, небо сияло звездами, а здание этого вертепа порока переливалось бесчисленным разноцветьем огней. Все было замечательно и невероятно красиво в этом мире, за исключением одного, а именно того, что творилось в моей душе. А она была заполнена космическим холодом. За один вечер я не только проиграл десять тысяч долларов, но еще остался

должен три тысячи. Больше денег у меня не было. И где их взять не представлял. А если учитывать, что в самом ближайшем времени я обязан внести очередной взнос за свою квартиру, иначе меня с позором выселят из нее, то положение становилось просто отчаянным.

Я сел в свою старенькую машину и помчался на другой край Москвы, где находилась моя квартира. Я вошел к себе и, не зажигая света и, не раздеваясь, плюхнулся на кровать. Я так обессилил от всех сегодняшних переживаний, что, несмотря на беду, заснул почти мгновенно.

То были счастливые часы сна, ибо во время пребывания в царстве Морфея, ничего не напоминало мне о постигшем несчастье. Но едва я проснулся, весь ужас случившегося с тут же навалился на меня.

Я сидел на кухне и думал о том, что если я срочно не раздобуду денег, меня в скором будущем попросят освободить эти замечательные апартаменты. И куда я тогда пойду, меня некому приютить надолго. Да и занять столь большую сумму — тринадцать тысяч долларов тоже не у кого. Все мои друзья и знакомые люди среднего достатка, для них такие деньги — все равно что сокровища арабских шейхов.

Хотя я потерпел крушение, но жизнь вокруг меня не остановилась, а продолжала двигаться в

том же стремительном темпе. Часы уведомяли меня, что пора на работу. Затушив очередную сигарету, я стал собираться.

Я работаю обозревателем в газете «Расследование». Наш еженедельник весьма необычный, мы, в самом деле, ведем расследования темных сторон жизни. А их так много, что порой кажется, что светлых уже и не осталось, если они когда-нибудь вообще и были. Наши разоблачения периодически приводят к крупным скандалом, некоторые чиновники после наших публикаций лишились своих мест, а кое-какие бизнесмены переселились из уютных, роскошно обставленных кабинетов, в тесные и скученные камеры наших централов. Поэтому нас не раз пытались закрыть, спалить, а уж судебные иски подают на нас едва ли не ежедневно. Но до сих пор мы как-то отбивались от всех атак, как со стороны власти, так и со стороны бизнеса и криминальных групп. И во многом это происходит благодаря тому, что нашей обороной руководит главный редактор Алексей Ушаков. Этому человеку я многим обязан. Именно он в сложные для меня моменты жизни привел меня в редакцию, заставил поверить в то, что во мне спит талант журналиста. Удивительно, но это оказалось именно так, за короткий срок мне не только удалось его разбудить, но я выдвинулся в ведущего сотрудника издания. Мои статьи-разоблачения

читала вся страна, меня приглашали выступить на телевидение и даже участвовать в парламентских слушаниях. Но теперь эта счастливая пора осталась в прошлом, отныне меня ожидают совсем другие дела.

Я вошел в редакцию и сел на свое место. Работать не было никакого желания. В голове вертелась одна мысль: где взять деньги? Если не уплачу долг казино, эти подонки подадут на меня в суд; ведь у них осталась моя расписка. А они вполне способны засадить меня за решетку, так как у них есть зуб на меня. некоторое время назад я опубликовал статью, посвященную отмыванию огромных и преступных денег в московском игровом бизнесе. Тогда по электронной почте я получил несколько угроз, а так как это дело для меня привычное, не обратил на них внимание. Меня в самое сердце вдруг поразила мысль: а ведь то, что произошло вчера, скорей всего отнюдь не случайно, вполне возможно все было подстроено. Они сделали так, что я проигрался в пух и прах. Зато я оказался в их грязных сетях. Надо же было такому опытному человеку, как я, так лопухнуться. А виной всему моя неудержимая страсть к игре. Она уже не первый раз оказывает мне плохую услугу.

В этот момент ко мне подошла наша секретарша — молоденькая и красивая Зиночка и сказала, что меня хочет видеть главный. Я без

всякого желания пошел за ней, заодно посматривая на ее стройные ножки. Впрочем, делал это скорей по привычке, чем по эстетическим мотивам. Сейчас на меня бы не оказали никакого впечатления даже самые прекрасные ноги мира.

Мы обменялись с Алексеем рукопожатием. Я сел в кресло и закурил.

— Ты сегодня хмурый, — сказал он. — Что-нибудь случилось? — При этом мне показалось, что он как-то хитро посмотрел на меня. Уж не прослышал ли он про мои горести.

— Да так, ничего, плохо выспался.

Я не хотел ему ничего рассказывать, так как не так уж давно Алексей меня выручил из такой же беды. Правда, я тогда проиграл значительно меньшую сумму. Но он взял с меня клятву никогда не переступать больше порог казино. И сейчас мне совсем не хотелось признаваться в клятвopреступление.

— Ну, ну, — с не совсем понятной интонацией произнес Ушаков. — Обычно для плохого сна есть свои причины.

— Да нет, просто поздно лег, рано встал. Может, атмосферное давление высокое или магнитная буря. Человек же создание хрупкое.

— Ну это смотря какой человек, — засмеялся Алексей. — Ладно, не будем играть в кошки-мышки. Имеется у меня до тебя одно дело.

Есть возможность написать сенсационный материал. Такого в нашей газете еще не было. Да и не в нашей может быть тоже.

Я насторожился.

— Это ты о чем?

— Не торопись, сейчас все узнаешь. Я тебя познакомлю с одним человеком. Он представляет одну структуру. Она готова вложить в нашу газету солидные средства. Но, разумеется, не бескорыстно. Впрочем, наши интересы тут совпадают. Зина, — в селектор сказал он, — пригласи нашего гостя.

Через минуту в кабинет вошел среднего роста и среднего возраста хорошо одетый человек. Лицо у него было приятное, даже можно сказать интеллигентное.

— Познакомьтесь, это наш лучший обозреватель Бахтин Леонид Валерьевич, — весьма лестно представил Ушаков меня. А это господин Пляцовой Александр Михайлович. Прошу любить и жаловать.

Я отметил, что Ушаков, представляя мне этого Пляцовой, не назвал структуру, которую он представляет. Я насторожился, ибо хорошо знал, что наш главный ничего не делает случайно. Посмотрим, что это означает.

Пляцовой уселся напротив меня.

— Рад с вами познакомиться, Леонид

Валерьевич, — сказал он. — Не буду скрывать, что мы давно следим за вашим творчеством.

Он сказал «мы», отметил я. Значит, он не один.

— А можно узнать, кто это «мы»? — поинтересовался я.

Пляцовой улыбнулся.

— Давайте все по порядку. Разговор нам предстоит серьезный. Вы не возражаете, если мы прямо сейчас его и начнем.

Я пожал плечами. Командовал тут не я.

Кажется, Пляцовой понял мою короткую пантомиму.

— Известно ли вам что-нибудь о концерне «Континент», Леонид Валерьевич?

— О них что-то известно практически каждому.

— Я понимаю, но я имею в виду, знаете ли вы больше, чем каждый.

— Я не занимался этими ребятами.

— Зато мы занимались. Видите ли, они наши конкуренты в некоторых секторах бизнеса. И в последнее время нанесли нам ряд чувствительных ударов. Мы достаточно сильны, чтобы их выдержать, но скрывать не буду, урон причинен значительный. И все бы ничего, но у нас есть подозрение, к сожалению не доказанное, что были использованы не честные методы борьбы. И мы не

можем так это оставить. И дело вовсе не в мести, просто мы убеждены, что на этом они не остановятся, и будут действовать в том же духе дальше.

— Можете ли вы рассказать, что это за удары.

— Я полагаю, что это не столь существенно. Если со временем такая информация вам понадобится, мы ее вам предоставим. Сейчас же речь о другом. А именно о концерне «Континент». Хотя мы не работаем в газете «Расследование», но мы провели свое расследование и кое-что разузнали. Правда, это ничтожная часть от тех тайн, что оберегают его руководители. Если вам еще интересно, то я с вами поделюсь некоторыми результатами наших поисков.

— Выслушаю с большим вниманием.

— Я в этом нисколько и не сомневался, — улыбнулся мой собеседник. — Эта фирма возникла десять лет назад на абсолютно пустом месте и сразу же заявила о себе в качестве серьезной финансовой структуры. Никто до сих пор точно не знает, откуда у ее отцов-основателей появились такие большие деньги. Согласно нашей информацией, к сожалению, не вполне достоверной, они были сколочены благодаря наркоторговле, а так же некоторым другим незаконным операциям.

— Мало ли что было десять лет тому назад. Если поскрести всю нашу бизнес-элиту, то почти у

каждого есть такой скелет в шкафу.

— Не могу с вами не согласиться, В самом деле, бог с этой давней историей. Как мудро говорила наши предки: кто старое помянет, тому дух вон. Да только есть кое-какие основания считать, что все продолжается, только уже на другом уровне и с другими оборотами. Я вам немножко расскажу, что собой представляет «Континент» сегодня. Этот концерн имеет два этажа: первый и подвальный. На первом этаже ведется честный цивилизованный бизнес, сегодня «Континент» имеет очень хорошую репутацию не только у нас в стране, но и за рубежом. У них высокий кредитный рейтинг, не было случая, чтобы они не выполнили бы свои обязательства. Я не побоюсь даже сказать, что сегодня в России мало найдется столь цивилизованных и авторитетных компаний. И ее руководство крайне озабочено своей репутацией. Если предположим у вас есть некая сумма, которую вы хотите немного приумножить, я смело могу вам посоветовать положить в их банк, они не пропадут. Даже когда был кризис, они выплатили все до копейки, до цента.

— В чем же тогда проблема? — вставил я реплику.

— На первом этаже проблем нет, там, как я уже говорил, все просто замечательно. Но дело все

в том, что есть еще и подвальное помещение. А вот там все с точностью до наоборот. Там царит сплошной криминал, незаконные финансовые операции, торговля наркотиками, связь с криминальными группировками. У нас мало сведений об этой закулисной стороне деятельности концерна, ибо там действует очень жесткая система безопасности. Информация из этого подвала, как свет из черной дыры, практически не выходит. Как, Леонид Валерьевич, становится интересно?

— Постепенно, по мере того, как мы спускаемся все ниже и ниже.

Пляцовой рассмеялся.

— Ценю ваше чувство юмора. Но вот только дальше не до смеха. Мы обсуждали с Алексеем Германовичем план наших действий, — посмотрел он на Ушакова. Тот, подтверждая, кивнул головой. — И хотим привлечь вас к участию в расследовании.

Я насторожился, чувствуя какой-то подвох.

— А можно узнать, каким образом?

— Да, конечно, для этого мы тут и собрались. Мы хотим вас внедрить в концерт «Континент».

От неожиданности я даже присвистнул.

— И каким же образом? Да они поди знают меня как облупленного, они меня не подпустят к себе и на сто километров.

— Подпустят, гораздо ближе. Более того,

сами пригласят прийти.

— И как такое чудо может случиться.

— Над этим чудом мы работали полгода. Я не буду раскрывать нашу технологию и особенно человека, который нам помогал. Если им об этом станет известно, его не будет на свете уже в тот же день. Но это единственный шанс, чтобы проникнуть туда. Другого, может не быть никогда.

— И какую должность они мне предложат?

— Начальник отдела по связям с общественностью. Они как раз ищут на это место человека.

— И найдут меня?

— Вас.

— Но если все, что вы говорите о них, правда, они ни за что со мной не свяжутся.

— Именно потому, что все это правда, они с вами и свяжутся. вы им подходите как никто другой. Посудите сами. Бывший офицер ФСБ, знаете иностранные языки, известный журналист с кристально чистой, как вода в ручье, репутацией. Да лучше кандидатуры во всей Вселенной не найти. Поймите, Леонид Валерьевич, вы им нужны для работы исключительно на первом этаже. В подвал они вас ни за что не допустят. В подвал вы должны будете проникнуть сами на свой страх и риск.

— А если они меня разоблачат, что будет со мной?

Пляцевой несколько мгновений молчал.

— Не мне вам офицеру и опытному журналисту говорить о таких вещах. Лучше я вам скажу о другом. Нам известно о ваших финансовых проблемах. Если вы примите наше предложение, то вам будет не о чем беспокоиться. Впрочем, из уважения к вашему таланту мы кое что уже урегулировали, вашего долга в казино больше не существует.

Я даже привстал не то от неожиданности, не то от возмущения.

— А вам не кажется, что я никому не давал таких полномочий — утрясать мои дела.

— Не давали, но мы решили вам помочь так сказать из альтруистских побуждений. Если сделали что-то не так, то уж не обессудьте. Мы хотели как лучше. Простите нас за это. Что касается квартиры, то при принятии нашего предложения, мы тут же внесем всю за нее сумму. Кроме того, в случае успешной вашей работы мы готовы заплатить вам вознаграждение. Сто тысяч долларов вас устроит?

Несколько мгновений я походил на выброшенную на берег рыбу, так как только открывал рот, но не мог вымолвить ни слова. Наконец мне удалось совладать с собой.

— Я должен подумать.

— Разумеется, это ваше право. Только одно

замечание: звонок из «Континента» может прозвучать в любой момент. Даже уже сегодня. О вашем решении сообщите Алексею Германовичу. Если вы согласны, нам надо встретиться еще, мы хотим вас вооружить еще некоторой полезной информацией. Поверьте, было очень приятно с вами познакомиться.

Пляцевой встал, прощально всем кивнул и покинул кабинет. Мы остались один на один с Ушаковым. Я не мог избавиться от ощущения, что меня подставили.

— Леонид, я понимаю, что такого опасного задания у тебя еще не было. Но никто в редакции кроме тебя не способен его выполнить. Только ты один обладаешь соответствующими знаниями и опытом.

— Подожди! — Внезапно меня осенила одна мысль. — Но получается, что вы ведете с этим Пляцевым эту игру давно. Он сказал, что уже полгода они занимаются моим внедрением. То есть ты давно дал согласие от моего имени.

— Вот видишь, еще один аргумент в твою пользу. От тебя таких вещей не скроешь. Ты прав, они давно обратились ко мне с этим предложением, и я порекомендовал тебя. Ты, конечно, хочешь знать, почему тебе ничего не сказал. По двум причинам. Мне не хотелось преждевременно афишировать это дело, а во-вторых, я был уверен,

что ты согласишься. Ведь ты по натуре игрок, а здесь такая игра. Это не то, что твоя рулетка, где все зависит от случайностей. И кроме того, ты сможешь хорошо заработать, они честные ребята, расплатятся сполна. Ну прости меня.

— Ладно, — сказал я, поднимаясь, — я подумаю и скажу о своем решении. Двум смертям не бывать.

— А одной не миновать, — радостно закончил за меня Ушаков. — Это будет твой триумф, ты прогремишь на весь мир.

— Если не загремлю, — уточнил я свою перспективу. — Через час дам ответ.

Глава 2

Честно говоря, особенно размышлять над этим предложением я не собирался. Просто хотелось немного успокоиться, привести мысли хоть в какой-то порядок. Все было уж чересчур неожиданно, события с какой-то невиданной быстротой, словно кадры ускоренной съемки, сменяли друг друга. Вчера вечером я разорился, а уже сегодня утром у меня появилась перспектива по настоящему разбогатеть. Правда, чтобы волчок остановился бы на нужной цифре, нужно поставить на игровое поле не фишку, а собственную жизнь. А нельзя сказать, что ее я уж совсем не ценил,

наоборот, временами она мне казалось весьма привлекательной штукой, с которой жалко расставаться столь рано. С другой стороны, если порассуждать, чего мне особенно терять, детьми я еще не обзавелся, жена осталась далеко в прошлом, родителей похоронил. Сестер и братьев не имею, так что в случае моей гибели плакать над моим телом будет просто некому. Зато появляется шанс сыграть интересную партию, если этот Пляцовой не обманывает, разоблачить негодяев. А этого многого стоит. Некоторые мои бывшие сослуживцы по ФСБ уходили из органов только потому, что чувствовали полное бессилие привлечь к ответственности виновных, которых защищала непреодолимая стена, сложенная из огромного количества пачек денег и скрепленная цементом высоких связей. Да и сам я покинул знаменитое здание на Лубянке, потому что не видел для себя каких-то зримых перспектив. Начальство играло в свои игры, а отдувались за них мы, рядовые сотрудники. А тут я полностью свободен, могу делать то, что захочу. Это ли не мечта всех моих последних лет. Значит, решено — и будь, что будет.

Я не стал ждать, когда истечет час, и направился в кабинет главного.

— Я согласен, — произнес я.

Ушаков не скрывал своей радости.

— Я был уверен в тебе. Теперь у нас все

пойдет по иному, появятся настоящие деньги. Повысим зарплату сотрудникам и прежде всего тебе.

— Премного вам благодарен, — склонился я в низком поклоне.

Алексей понял, что несколько перестарался и надо бы умерить свой пыл.

— Я никому не говорил, но наше положение довольно хреновое, пришлось платить по нескольким искам. Суды не всегда принимают нашу сторону.

У всех свои шкурные интересы, подумал я. Моя жизнь стоит денег и на самом деле всех интересуют они, а не то, что может случиться со мной.

— В общем так, — сказал Ушаков, — иди домой, сиди там безвылазно и жди звонка. А как только они позвонят, немедленно сообщи мне. В любое время дня и ночи.

— Хорошо. Я пошел.

Я вернулся к себе домой с несколько иным настроением, чем с тем, с каким его покидал. По крайней мере, выселение из квартиры в ближайшее время мне не грозит. А это уже немало. Что касается всего остального...

Я решил не спешить с выводами, а пока по лучше изучить то поле битвы, на котором мне может быть совсем скоро предстоит сражение. Я

залез в Интернет, по поисковой системе набрал «Континент» и в следующие пару часов изучал материалы о концерне.

То, что я там обнаружил, меня разочаровало. Информации было море, в нем можно было легко утонуть. Но вот пользы от нее было не так уж много, в основном материалы повествовали о том, какая это прекрасная компания. Я могу считать себе вполне опытным журналистом, неплохо знающим эту кухню. И у меня не вызывало ни малейшего сомнения, что эти ребята делали себе мощный пиар. И судя по всему, денег на эти цели не жалели.

Периодически я поглядывал на телефон, но он молчал, как партизан на допросе. Никто не звонил вообще.

Наступил вечер, затем, согласно законам природы, ночь. Я решил, что пора ложиться спать, вряд ли они станут мне звонить в столь поздний час. Деловые предложения в такое время уважающие себя люди не делают.

Следующие два дня я провел в каком-то странном режиме. На работу мне идти было не надо, главный освободил меня от всех дел, кроме одного: ждать звонка. Но его-то и не было. От безделья я не знал, чем занять себя: перечитал массу литературы, на которую обычно не хватало времени, убрался в квартире. А что дальше? Я решил, что если завтра ничего не произойдет,

вернуться на работу. Иначе это добровольное затворничество доведет меня до бешенства.

Я до поздней ночи смотрел телевизор, а потому мой сон затянулся дольше, чем обычно. Прервал его телефонный звонок. Спросонья несколько секунд не понимал, что происходит, откуда раздаются эти монотонно повторяющиеся сигнала, затем схватил трубку.

— Я говорю с Леонидом Валерьевичем Бахтиным? — услышал я приятный мужской баритон.

— Именно так, — подтвердил я, чувствуя, как громко колотится сердце. Я не сомневался: это они.

— Вас беспокоит помощник президента концерна «Континент» Перминов Сергей Павлович. Мы бы хотели с вами встретиться и переговорить.

— Кто это мы?

— Мы — это концерн «Континент», — немного удивленно прозвучал голос в трубке. — У нас есть к вам деловое предложение.

— Я слушаю вас.

— Извините, но это не телефонный разговор. Мы бы хотели встретиться с вами в любое удобное для вас время.

— Как срочно вы бы хотели встретиться?

— Желательно как можно скорей. Это в общих интересах.

Я раздумывал над ответом. Если сейчас утро,

то встречу можно организовать вечером. А днем переговорить с Пляцевым.

— Хорошо, сегодня в пять часов вас устроит?

— Замечательно. Пожалуйста, назовите адрес, куда подать машину.

Неплохо, они знают толк в делах, отметил я.

— К моему дому. — Я продиктовал адрес, хотя не сомневался, что он у них имеется.

— Машина вас будет ждать, — заверил Перминов.

Я тут же стал звонить Ушакову. Тот явно обрадовался моему звонку. Еще бы, ведь вся эта затея принесет ему солидные бабки.

Алексей выслушал меня.

— Я сейчас свяжусь с Пляцевым, он с тобой обязательно свяжется, — пообещал он.

Звонок Пляцевого раздался уже через пять минут. Мы договорились о встрече.

Я подъехал к старинному пятиэтажному дому в одном из тихих центральных переулков. Вошел в подъезд, поднялся на второй этаж. Мне открыл сам Пляцевой.

— Проходите, Леонид Валерьевич. Честно говоря, мы начали волноваться, что вам уже и не позвонят.

— Были на то причины?

— Были.

В комнате находился еще один человек

примерно моего возраста и моего роста. По его выправке я понял, что он тоже бывший военный.

— Познакомьтесь, — сказал Пляцевой, — Игорь Анатольевич Коротеев, руководитель нашей службы безопасности. Всю связь вы будете поддерживать с нами через него. Мы посоветовались и пришли к выводу, что вам нужна поддержка. К сожалению, наши возможности весьма ограничены, но это все же лучше, чем ничего. Мало что может случиться.

В самом деле, мысленно согласился я, случиться может все, что угодно.

— Мы бы хотели вам немного рассказать о руководителях концерна «Континент». Так как вам придется с ними напрямую работать, будет лучше, если с самого начала вы будете хорошо представлять, что это за люди. А персоны, должен вам заметить, любопытные. Как вы должно быть знаете, основали компанию и до сих пор являются ее фактическими владельцами в то время двое молодых людей: Михаил Фрадков и Петр Кириков.

Хотя они считаются близкими друзьями и партнерами по бизнесу, но более несхожих между собой людей трудно и сыскать. Начнем знакомство с председателя Правления и президента банка «Континент» Михаила Марковича Фрадкова. У него судьба типичного провинциала. Родился в маленьком городишке на Украине, родители

скромные служащие. Так что особого достатка в доме не было. А так как в семье было еще двое детей, то вероятней всего приходилось экономить каждую копейку. Может быть, отсюда и многие черты его характера. По общему мнению, он тип весьма неприятный, как внешне, так и внутренне. Невысокого роста, полный, даже тучный, умен, вернее скорей хитер, мастер выдумывать различного рода финансовые комбинации. Очень жаден, про таких говорят, что зимой снега не выпросишь. Он сам однажды хвалился, что за всю жизнь не дал займы ни одному человеку. Даже когда надо было помочь родителям, то оформил им ссуды с процентами. Правда, с чисто символическими, но тем не менее. Не доверчив, именно из-за него и произошла задержка с вами. Он сомневался до последнего, стоит ли вас приглашать на эту должность. Живет замкнуто, редко посещает различного рода тусовки.

Женщинами интересуется мало, у него есть жена и двое детей. Но они живут отдельно, чтобы не мозолили глаза, отправил их на жительство в Париж, который навещает раза два в год. По нашей информации его личное состояние оценивается в триста миллионов долларов, не считая акций, недвижимости и других активов. Но у него есть одна страсть, несколько лет назад увлекся коллекционированием живописи. И с тех пор

уделяет этому занятию много времени и много денег. Особенно увлекается творчеством Модильяни. Прочитал гору книг на эту тему и владеет ею вполне профессионально. Чтобы завоевать его доверие, вам хорошо бы тоже что-нибудь почитать об этом. Тогда он в вас будет ценить интересного для него собеседника.

Теперь перейдем к его компаньону, президенту концерна. Я уже говорил вам, что он полная его противоположность и по происхождению и по воспитанию. Он единственный ребенок высокопоставленного сотрудника министерства иностранных дел. Его отец был послом в ряде стран, и свое детство Кириков провел больше за границей, чем в России. Отсюда хорошее знание нескольких иностранных языков. Да и многие черты — тоже. Петр Олегович человек очень светский, любит красивую жизнь, красивых женщин, любит демонстрировать себя обществу в качестве крупного бизнесмена, мецената и просто умного и обаятельного человека. И между прочим, он в самом деле является таковым. Он способен говорить на многие темы, причем, вполне содержательно. Ему принадлежит разработка основных принципов стратегии компании. Я не сомневаюсь, что в отличии от Фрадкова он на вас произведет очень приятное впечатление. Только прошу вас не забывайте об

одном: они оба опасные и безжалостные преступники. Пляцовой замолчал и посмотрел на меня. — Мне не хотелось вам говорить, но вы все равно об этом узнаете. Дело в том, что ваш предшественник погиб. Официальная версия — автомобильная авария. Следствие подтвердило ее. Однако у нас есть основания считать, что авария возникла не случайно, что его убрали.

— Почему?

— Этого мы не знаем, но не трудно предположить, что скорей всего ему стало известно нечто такое, что знать он не должен был.

— Но почему вы так думаете, что его убрали?

— Дело в том, — вступил в разговор Коротеев, — человек, с которым столкнулась машина бывшего пресс-секретаря «Континента», принадлежала некому Виталию Бордунову. А этот Бордунов является членом так называемой галановской преступной группировки, которой командует некто Галанов Дмитрий Андреевич или просто Галан. А этот Галан, по нашей информации тесно связан с «Континентом». По большому счету галановская группировка — это криминальный филиал «Континента». Возникла даже идея сделать Галана членом правления, но по настоянию Кирикова, решение не прошло. Хотя Фрадков уж не знаю, но почему-то настаивал на нем.

Пляцовой взглянул на часы.

— До вашей встречи осталось чуть больше двух часов. Вам пора возвращаться домой. Условьтесь с Игорем Анатольевичем о связи и можно ехать. — Он встал. — Желаю вам, Леонид Валерьевич, удачи.

Мы пожали друг другу руки. Мне показалось, что Пляцевой был взволнован.

Глава 3

«Мерседес» подвез меня к недавно выросшему суперсовременному зданию, на крыше которого сверкала огромная надпись «Континент». Я неоднократно проезжал мимо этого билдинга, но ни разу у меня не возникало предчувствие, что когда-нибудь моя судьба окажется тесно связанной с этим строением.

В бюро пропусков меня ждал пропуск, затем я миновал электронные заградительные редуты, подвергся весьма тщательному обыску, прежде чем оказался в холле здания. И сразу же ко мне подошел довольно молодой мужчина в дорогом костюме.

— Здравствуйте, Леонид Валерьевич, мы рады вас приветствовать в нашем офисе. Позвольте представиться, это я вам звонил. Моя фамилия Перминов Сергей Павлович. Вас уже ждут.

Бесшумный лифт вознес нас почти на

недосягаемую высоту для обычного человека — под самую крышу. На всякий случай я запомнил: семнадцатый этаж.

Перминов завел меня в переговорную — полукруглую комнату, где кроме стола и нескольких кресел мебели больше не было.

— Немного посидите здесь, скоро к вам придут. Хотите чай, кофе?

— Спасибо, не надо.

Перминов улыбнулся и оставил меня одного. Я стал осматриваться, прикидывая, где может быть замаскирована камера. А то, что ее объектив фиксирует каждое мое движение, я почти не сомневался. Скорей всего она вмонтирована в кондиционер. Самое удобное место, под потолком, все видно. И маскировка естественная. Ну да ладно, пусть смотрят.

Я достал сигареты и закурил. Если, направляясь сюда, я ощущал волнение, то сейчас с удовлетворением констатировал, что совершенно спокоен. Пусть они и видят меня в таком состоянии.

Дверь отворилась внезапно, и на пороге появились двое мужчин. Я сразу же их узнал, то были Фрадков и Кириков.

Я встал. Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга. Затем Кириков расплылся в широкой улыбке.

— Леонид Валерьевич, нам очень приятно вас

видеть здесь у нас.

Он подошел ко мне и широким жестом протянул руку. Я пожал ее.

Затем очередь приветствовать меня дошла и до Фрадкова. Я ощутил на себе его настороженный взгляд. Он подошел ко мне, протянул руку, что-то пробормотал неразборчиво и после пожатия сразу же отдернул ладонь, будто ее ударило током.

Оба руководителя концерна сели напротив меня.

— Садитесь, Леонид Валерьевич, — пригласил Кириков. — А почему вас ничем не почивают? Не порядок.

— Спасибо, мне предлагали, но я отказался.

— Думаю, нам нет смысла совершать обряд представления, такой человек, как вы, вы просто не можете нас не знать.

— Вы правы, Петр Олегович.

— А признайтесь, вы удивлены нашим приглашением?

— Разумеется, оно было совершенно неожиданным.

— А вот для нас нет. Мы давно следим за вашим блистательным творчеством. Вот Михаил не даст соврать, — улыбнулся Кириков.

Фрадков кивнул головой и снова выстрелил в меня недоверчивым взглядом.

— Спасибо, господа, за хороший отзыв, но

если можно, давайте перейдем сразу к делу.

— Очень верный подход! — воскликнул Кириков. — И все же для того, чтобы разговор оказался бы не только плодотворным, но и приятным, позвольте угостить вас. — Кириков нажал на кнопку звонка.

Пока мы ждали, когда нас обслужат, в разговоре возникла пауза. Я постарался использовать ее, чтобы получше рассмотреть моих потенциальных работодателей. Они в самом деле сильно отличались друг от друга. Высокую и стройную фигуру Кирикова облегал отлично сшитый костюм, к которому с замечательным вкусом были подобраны сорочка и галстук. А над укладкой волос парикмахер, наверное, трудился не один час. На Фрадкове тоже был надет дорогой костюм, однако выглядел он в нем невероятно мешковатым. И вина за это лежала не на портном, а на матушке-природе, сотворившая его в столь толстом и неуклюжем облике.

В переговорную вошла молодая и красивая девушка в короткой юбке, поставила перед каждым чашечку кофе, печенье и конфеты и — молча удалилась.

— Не стесняйтесь, чувствуйте здесь как у себя в редакции, — пригласил Кириков. При этом он загадочно улыбнулся. — Вы предлагаете перейти сразу к делу. Предложение с удовлетворением

принимается. мы хотим предложить вам работу у нас.

Сценарий требовал от меня, чтобы я в этом месте изобразил бы удивление, что я и постарался сделать как можно натуральной.

— Работу? Честно говоря, такой вариант как-то не приходил мне в голову.

— А вот в наши пришел, — засмеялся Кириков.

— А можно узнать, что за работа?

— Нас интересует ваш талант журналиста. Не так давно у нас трагически погиб руководитель отдела по связям с общественностью. И мы ищем ему замену. И после просеивания многих кандидатур, остановились на вашей.

— Но почему именно на моей? — продолжал играть я удивление.

— По ряду причин. Во-первых, вы талантливы. Во-вторых, вы честны. Причем, доказали это на практике, а не только на словах, как большинство ваших коллег. В-третьих, вы хорошо владеете иностранными языками, а мы ведем обширный международный бизнес. Таким образом, вы сможете представлять нашу компанию и за границей. Хватит перечислять или назвать еще ряд причин?

— Достаточно. Я и так после ваших слов начинаю себя чувствовать гением.

— Ах да, мы и забыли одну мелочь, вас, наверное, не в последнюю очередь интересует оклад. Не волнуйтесь, не обидим, — засмеялся Кириков. — Он взял со стола бумажку, чиркнул на ней ручкой и протянул ее мне.

Я посмотрел на цифру, и мне уже не надо было больше разыгрывать удивление, мои глаза сами собой полезли на лоб. Я все же не ожидал, что сумма будет столь значительной.

— Это для начала, а если сработаемся, эта сумма может и удвоится и утроиться, — пояснил Кириков. — Мы не любим определять предельных значений, особенно для ценных сотрудников.

Я заметил, что Фрадков при этих словах недовольно посмотрел на Кирикова. По-видимому, он не был согласен с таким проявлением щедрости своего компаньона.

— Я должен подумать, — сказал я. — Шаг ответственный.

— Разумеется. Но не долго. Работы невпроворот. Сейчас самая горячая пора. Нам очень нужен человек на это место. Мы бы хотели, чтобы им были бы вы. Но уж как рассудит судьба.

Я посмотрел на часы.

— Судьба может подождать до завтрашнего полудня?

Кириков обернулся к Фрадкову.

— Как Михаил, судьба может еще немного

подождать?

Тот медленно кивнул своей тяжелой головой. За весь разговор он не проронил ни слова.

— Ждем вашего звонка в указанное вами время. И надеемся на плодотворное сотрудничество.

Я встал.

— До свидания, господи. Было очень приятно познакомиться.

— Взаимно, — отозвался Кириков. — Вас проводят.

В переговорную вошел Перминов. Вместе мы вышли из комнаты.

— Удачно ли прошли переговоры? — поинтересовался он, пока мы шли к лифту.

— Более чем.

— В таком случае надеюсь, что мы с вами станем коллегами.

Мы улыбнулись друг друга. Кажется, нас начала соединять пока тоненькая ниточка симпатии. Это мне пригодится.

Глава 4

На следующее утро, когда я пришел в редакцию, то сразу же направился в кабинет к главному. Тот явно ждал меня с нетерпением. Я кратко изложил ему ход состоявшихся переговоров.

— Пока идет все замечательно, — радостно констатировал он. — Ты им явно понравился.

— Зато они мне не слишком, особенно Фрадков. Он смотрел на меня, как на страшного врага. С ним будет нелегко.

— Да, неприятный тип, — согласился Ушаков. — Его считают человеком очень безжалостным. Если кто-то попал в его паутину, он высосет у него кровь до конца. Будь осторожен, особенно с ним. Я тут прошерстил Интернет и раскопал интереснейшую информацию. Между прочим, два часа сидел, не отрываясь, чтобы тебе помочь. Зато понял, зачем им нужен именно такой человек, как ты. Вот смотри.

Ушаков протянул мне листок с текстом. Он занимал всего полстраницы. В нем шла речь о приватизации крупной государственной нефтяной компании: «Востокнефть». Среди возможных претендентов на ее покупку значился и концерн «Континент».

Главный дождался, когда я закончу чтение.

— Тебе надо что-то еще пояснить? — спросил он, хитро улыбаясь.

Особых пояснений мне действительно не требовались, так как некоторое время назад я занимался этим вопросом. За суперлакомый кусок, каким является «Востокнефть», разгорелась напряженнейшая борьба между несколькими

потенциальными покупателями, которые не брезговали никакими методами, чтобы его проглотить. Проведенное мною расследование выявило немало любопытных фактов. И теперь я по праву считался одним лучших знатоков этой проблемы. Правда, среди претендентов концерн «Континент» не значился. Но с тех пор, как я занимался этим вопросом, прошел почти месяц, и многое могло измениться. Вполне возможно, что его руководители решили, что им для полного счастья не хватает только нефтяной компании.

— Тем лучше, — сказал я, — будет легче завоевать их доверие.

— Когда тебе надо дать ответ? — спросил Ушаков.

Я взглянул на часы.

— В двенадцать, то бишь через час.

— Я дал приказ подготовить все документы. Можешь получить трудовую книжку и расчет. Официально ты уволен с сегодняшнего дня.

— Очень любезно с твоей стороны, — насмешливо произнес я.

Но в душе почувствовал обиду; я иду на опасное дело, которое неизвестно чем закончится, а всех волнует не моя судьба, а собственные интересы. Я вдруг подумал, что если погибну, то это устроит всех. Газета получит сенсационный материал, Пляцевому и иже с ним не надо будет

выплачивать мне вознаграждение. Да и концы все в воду.

Кажется, Алексей что-то уловил в моем настроении, так как он вдруг изменился. Он встал из своего стола и подошел ко мне.

— Мы все понимаем, на какое опасное дело ты идешь. И будем очень волноваться за тебя. Ты знаешь, с нашей стороны любая помощь.

Мы обнялись, и я почувствовал волнение. Даже если Алексей только искренен на половину, а на половину играет, все равно приятно, что кого-то хотя бы чуть-чуть волнует моя судьба. Почему-то я вспомнил о бывшей жене; вот уж кто никогда обо мне не беспокоилась.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Пойду попрощаюсь с ребятами.

Прощание получалось довольно волнительным. Разумеется, никто ведать не ведал об истинной подоплеке моего перехода в концерн, но все искренне жалели о моем уходе. У нас в самом деле был небольшой, но сплоченный и дружный коллектив, и за два года работы в редакции я по-настоящему привязался к этим людям. А они, как оказалось, ко мне.

Ровно в двенадцать часов я позвонил в приемную Кирикова. Когда я назвал себя, секретаршу мгновенно перевела телефон на шефа. В трубке раздался бодрый голос президента

концерна.

— Рад вас слышать, Леонид Валерьевич, вы очень точны. Это приятно. Так какой же ваш вердикт?

— Я принимаю ваше предложение.

— Это самое верное в вашей жизни решение. Поверьте, в этом вы скоро убедитесь. Когда можете приступить к работе?

— В любой момент.

— Мне нравятся такие люди. В жизни не надо терять ни минуты. Это, кстати, мой девиз. И, как я вижу, и ваш тоже. Приезжайте тогда сегодня устраиваться на работу, а завтра прямо и начинайте. Вас устраивает такой график.

— Более чем.

— Тогда ждем. Вы увидите, что мы тоже умеем быстро и хорошо работать. Все формальности у вас займут буквально несколько минут.

Судя по всему, слова и дела у Кирикова находились в неразрывном единстве. По крайней мере, в этом вопросе. Когда я приехал в концерн, меня уже ждал знакомый мне Перминов. Он взял мои документы, при этом даже не стал смотреть их.

— Приходите завтра в десять. Это будет ваш первый рабочий день. У нас тут интересно. Так что скучать не придется. Удачи вам! — Он приветливо улыбнулся.

Я приехал домой довольно поздно. Перед этим заскочил к нескольким приятелям по бывшей службе, которые все еще тянули лямку. Я подумал, что перед тем, как начать свою деятельность в новом качестве, на всякий случай не помешает обновить старые связи. А вдруг они пригодятся. Кроме того, заглянул в книжный магазин и купил жутко дорогую и толстую, с множеством иллюстраций, монографию о Модильяни.

Когда я вошел в квартиру, то впервые минуты ничего не заметил. Но потом вдруг почувствовал, как что-то здесь не так. Несколько предметов стояли вроде бы на прежних местах, но чуть-чуть были сдвинуты. Я стал проверять различные ящики, книжные полки и все больше убеждался, что в моем жилище кто-то побывал. И не просто побывал, а произвел весьма тщательный и весьма профессиональный обыск. Если бы не мой наметанный взгляд, я бы ничего не обнаружил, так как те, кто делал его, действовали предельно аккуратно. Более того, судя по всему, они не слишком торопились. Но это означает, что пока я шлялся по городу, за мной следили. А я ничего не заметил. Как я мог потерять столь полезные навыки.

Я подошел к входной двери и стал изучать замок. Никаких следов взлома не обнаружил. Значит, открыли ключом. Но где они его

раздобыли?

Разгадка пришла внезапно. Единственная возможность сделать это была вчера, когда я подъехал на машине к офису «Континента». Ключи я оставил в бардачке. Скорей всего, пока я находился в переговорной и томился в ожидании переговоров, они вскрыли автомобиль, быстро сделали копии, затем все положили на место. Потому-то Кириков и Фрадков пришли ко мне не сразу, их людям требовалось время на проведение этой операции. Как же я так лопухнулся, не дооценил их. А судя по всему, на этих ребят работают профессионалы высокого класса. И переиграть их будет ой как не легко. И не слишком ли я опрометчиво ввязался в это дело? Что будет, если меня разоблачат? Если они считают возможным для себя вламываться в чужую квартиру, то не считают ли они возможным устранять опасного или неугодного им человека? Мой опыт свидетельствует о том, что одно от другого отстает совсем не далеко.

Я сел в кресло и стал размышлять, могли ли они обнаружить что-то компрометирующее меня в их глазах? Вроде бы ничего. Даже если они скачали всю информацию из моего компьютера, то вряд ли что-то найдут нежелательное... А то, что они это сделали, я почти не сомневался.

Я включил компьютер, набрал пароль. Если

даже они его не знают, вряд ли их способна остановить такая слабая защита, в их команде наверняка был специалист по подобным делам. Я стал внимательно просматривать файлы, с облегчением убеждаясь, что ничего того, что могло бы меня скомпрометировать в их глазах, они не содержат. А в таком случае может быть, даже хорошо, что они провели у меня обыск, по крайней мере это успокоит их души, укрепит уверенность, что мне можно доверять. Вот только в связи с происшедшем, не стоит ли поменять замок? После недолгого размышления я пришел к выводу: не стоит. Если это я врежу новый, они могут заподозрить, что я обнаружил, что в моей квартире побывали непрошенные гости. По крайней мере, некоторое время делать этого не буду, а затем под каким-нибудь предлогом вставлю другой. Но так, чтобы это выглядело бы естественно для них. Ну а сейчас, пожалуй, на сон грядущий можно полистать купленную книгу о художнике — и спать.

Завтра у меня начинается новая жизнь.

Глава 5

Утром в офисе «Континента» меня встретил все тот же Перминов.

— Мне поручили представить вас отделу. Следуйте за мной.

Отдел располагался на третьем этаже. Перминов отворил дверь и ввел меня в комнату. В ней находились двое сотрудников: мужчина и женщина. Я почувствовал некоторое разочарование, мне казалось, что в таком большом концерне он должен быть более многолюдным.

Едва я вошел, как мои подчиненные встали со своих мест. Представительница прекрасного пола была среднего роста лет двадцати семи, представитель сильного пола — был немного постарше, в золотых очках и чуть полноватый.

— Знакомьтесь, представил меня Перминов, — новый руководитель департамента по связям с общественностью, Бахтин Леонид Валерьевич. Вот эту прелестную девушку зовут Ольга Несмеянова.

Я внимательно посмотрел на нее. Фамилия девушки удивительно подходила к ней, такого серьезного не улыбочивого лица я давно не встречал. И вообще что-то было неуловимо печальное во всем ее облике: в больших темных глазах, в скорбно опущенных плотно сжатых губах. Даже одежда с преобладанием черных тонов еще больше подчеркивала это впечатление.

— Ольга отвечает за связь с органами массовой информации, она знает в них буквально всех и каждого, — пояснил Преминов.

— Это не совсем так, Сергей Павлович, — без

всякого, даже отдаленного намека на улыбку, возразила она.

— Не скромничайте, Ольга Вячеслава, мы знаем ваши возможности. А это наш главный спичрайтер, его словами говорит все наше руководство, — показал Перминов на молодого человека. — Игорь Игоревич Потоцкий.

Потоцкий, в отличие от своего коллеги, не стал опровергать данную ему характеристику, он протянул мне руку, и мы обменялись рукопожатием.

Я внимательно разглядывал его. Хорошо сшитый костюм, тщательно выглаженная белая сорочка, в тон подобран галстук, приятный, но не кричащий, точно соответствующий положению его обладателя. Я сам не мог понять, что меня насторожило в этом человеке, но я сразу же услышал внутри себя какой-то сигнал. За годы работы в органах у меня накопился определенный опыт по распознаванию некоторых вещей. Его нельзя выразить словами, так как он находился исключительно на подсознательном уровне. И именно подсознание сейчас сигнализировало мне, что Потоцкому нельзя доверять. Помимо своих прямых обязанностей, он выполняет еще и другие, может быть, даже более важные и более высокооплачиваемые. В конце концов, кто-то же должен приглядывать за мной. Было бы

невероятной наивностью предполагать, что за мной тут не будут этого делать.

— А теперь пройдемте в ваш кабинет, — предложил Перминов.

Он отворил дверь, и я оказался в небольшом, но со вкусом обставленном помещении. Я внимательно разглядывал кабинет, пытаюсь определить, где могут быть спрятаны «жучки». А то, что он ими напичкан, я не сомневался, после обыска в своей квартире ничего другого ждать не приходилось.

— Вы тут располагайтесь, а через полчаса будет заседание «политбюро». Так у нас тут называют руководящий состав концерна. Вы будете официально представлены на нем. Я зайду за вами.

Я решил, что не стоит пороть горячку и приниматься с первых же минут за поиск «жучков». Наоборот, пусть послушают меня, таким образом, я смогу моим слушателям внушить полную свою лояльность.

Я не стал звать к себе подчиненных, решил, что сперва надо пройти через чистилище представления, получить первое задание. А в оставшееся время можно потратить на то, чтобы привыкнуть к своим новым апартаментам.

Перминов зашел за мной точно через полчаса. Мы вышли из отдела и направились по длинному коридору.

— Все наше руководство сидит на последнем семнадцатом этаже. Туда попадают только избранные, у которых имеется специальный пропуск, — пояснял Перминов. — Принято решение, что вы тоже будете его иметь. Обычно для сотрудников вашего уровня его не предоставляют, но для вас сделано исключение.

— Это приятно, а кто принимает такое важное решение.

— Только Петр Олегович или Михаил Маркович, — с почтением в голосе произнес Перминов. — Там, кстати, расположена столовая для высшего звена, кормят просто изумительно, по заказам. Так что вы тоже получите доступ.

— Вообще-то я не гурман.

— Пообедайте там пару разочков и станете им, — засмеялся Перминов.

Как бы мне его разговорить на более существенные темы, подумал я.

— А вы давно работаете в концерне? — поинтересовался я.

То ли мне показалось, то ли он действительно напрягся.

— Три года.

— Вот как. Значит, вы хорошо разбираетесь в здешних хитросплетениях.

— Более или менее. Концерн очень большой, здесь только его головная часть. А вот и лифт, — с

едва заметным облегчением произнес он.

Перминов был прав, прямо у самого лифта располагался пост, на котором располагались два крепких парня. Помощник президента показал свой пропуск.

— Это Леонид Бахтин, он есть в списках, — сказал Перминов.

Пока один из охранников искал мою фамилию, другой вышел из-за стола и щупом стал исследовать меня на наличие оружия. Пришлось вынуть ключи и сотовый телефон.

— Когда вы получите пропуск, вы будете освобождены от этой неприятной процедуры, — пояснил Перминов.

Пока мы шли ко коридору, я пытался запомнить каждый его изгиб. За время нашего пути я заметил не меньше двух видеокамер. Значит, где-то сидят люди и наблюдают за каждым движением. И скорей всего они дежурят у мониторов круглые сутки. А это означает, что незамеченным сюда попасть практически невозможно. Но мне это надо сделать любой ценой. Иначе моя миссия окажется бесплодной, я так ничего и не выведу. Придется изрядно поломать голову. Но это потом, а сейчас...

Мы оказались в просторной приемной с двумя мощными дубовыми дверьми. На одной висела табличка: «Президент Петр Олегович Кириков», на

другой: «Председатель Правления Михаил Фрадков». Перминов ввел меня в кабинет Фрадкова, но сам туда не вошел.

За большим продолговатым столом сидело человек десять. Кириков и Фрадков расположились во главе его, рядом друг с другом. Едва я вошел, как оказался под прицелом двух десятков глаз.

— Леонид Валерьевич, проходите, пожалуйста, очень рады вас видеть. Господа, позвольте представить вам нашего нового руководителя департамента общественных связей, известного и талантливого журналиста Леонида Валерьевича Бахтина. Мы очень рады, что теперь его талант будет работать на наше общее дело. Занимайте любое свободное место. Этот небольшой спич, улыбаясь, проговорил Кириков.

Он стал представлять сидящих за столом. Я старался запомнить всех, но больше всего моего внимания привлекли двое: начальник службы безопасности Виктор Павлович Костомаров и финансовый директор концерна Марина Анатольевна Царегородцева.

Первый, очень высокий, как я вскоре убедился, почти двухметрового роста мужчина, с хмурым неулыбчивым и весьма грубым лицом. Когда его представляли, он недоверчиво посмотрел в мою сторону, и я не мог отделаться от ощущения, что его взгляд, словно автоматная очередь, прошил

меня насквозь. Вторая, изящная, по-настоящему красивая женщина лет тридцати пяти, одетая в очень изысканный брючный костюм. Наши глаза встретились, и я невольно почувствовал, как что-то екнуло у меня в груди. Но это было прямо противоположное ощущение, нежели то, что я только что испытал.

На этом обряд представления завершился. Прерванное моим появлением совещание продолжилось. Некоторое время я внимательно слушал, но вопросы, которые обсуждались, носили исключительно текущий характер. И мне быстро стало скучно. Единственное, что меня заинтересовало и даже удивило, было то, что довольно много говорил Фрадков. Он даже говорил больше, чем Кириков. Особенно когда дело касалось финансовых вопросов.

Совещание завершилось через полчаса. Вместе со всеми я направился к выходу из кабинета, как внезапно услышал свою фамилию. Я обернулся и увидел, что ее только что произнес Фрадков.

— Леонид Валерьевич, останьтесь, — попросил он.

Мы остались одни. Я сидел напротив Фрадкова и рассматривал его. Он же, наоборот, смотрел куда-то в сторону. Его некрасивое толстое лицо с нечеткими чертами нельзя даже было

назвать хмурым, скорее оно было угрюмым. Я гадал, зачем он оставил меня в кабинете. От этого человека следует ждать только неприятные сюрпризы.

— Надеюсь, вы у нас приживетесь, — неожиданно произнес он. То были первые, можно сказать, исторические слова, обращенные в мой адрес.

— Я тоже на это надеюсь.

— Но те, кто у нас работают, отдают концерну все, на что способны. Вы должны это знать.

— Я готов отдать именно это и даже больше, не удержался я от иронии.

Он повернул голову и пристально посмотрел на меня, словно проверяя не таится ли в моих словах ирония, а то и издевка. Но я старался выглядеть максимально серьезно.

— Я должен вам кое-что пояснить. — Фрадков замолчал, словно раздумывая, стоит ли ему продолжать. — Мы приняли решение участвовать в конкурсе на покупку нефтяной компании «Востокнефть». Нефтяной бизнес сейчас на подъеме, и с нашей стороны было бы непростительной глупостью не участвовать в нем. Но конкуренция за ее обладание очень высока. А наш концерн не имеет привычки проигрывать. Нам понадобится все ваше умение и знание предмета. — Фрадков достал из ящика стола небольшую кипу

бумаги и посмотрел на меня. — Знаете ли вы что это такое?

— Нет, мне не видно отсюда.

— А вам и не обязательно смотреть, это подборка всех ваших статей о продаже «Востокнефть». Мы очень внимательно следили за вашими публикациями. Они были весьма для нас полезны. Именно он и побудили нас пригласить вас на работу. Вы хорошо потрудились, благодаря вам правительство вынуждено было перенести аукцион и изменить условия по его проведения.

— Моя роль в этом деле не такая уж и великая, вмешались депутаты, премьер-министр, совместными усилиями все и разрушили этот сговор.

— Не стоит никогда приуменьшать своих заслуг, вы многое сделали. Я вам говорил, что мы внимательно изучали ваши публикации. Но я знаю, что у журналиста всегда остается кое-что в загашнике.

— Вы правы, разумеется, я не написал обо всем, что удалось разузнать.

— Теперь, когда вы работаете у нас, мы надеемся, что вы поделитесь с нами информацией.

Я раздумывал. Мне действительно удалось разузнать кое-что интересные подробности, но вот есть ли смысл сообщать эти факты сидящему напротив меня толстяку? Но если я хочу завоевать

его доверие, то придется пойти на такой шаг.

— Я, в самом деле, могу вам сообщить кое-какие любопытные факты. По моей информации, все дела в Фонде имущества вершит первый заместитель председателя некто Хорунжий Алексей Валентинович. Все на самом деле решает аукцион, только не официальный, а предварительный; кто ему больше даст на лапу, тот и получит желанный объект. Ну а дальше все дело техники. Я так понимаю, что технология у них отработана. В последний раз, когда должна была продаваться «Востокнефть», только мое и нескольких депутатов вмешательство остановило эту аферу. К тому времени Хорунжий уже получил пять миллионов долларов за нужный результат.

Пока я рассказывал, лицо Фрадкова не выражала никаких эмоций. И только когда я назвал последнюю цифру, он вдруг поднял голову и внимательно взглянул на меня.

— А почему вы не обнародовали этот факт?

— Потому что человек, сообщивший мне его конфиденциально, отказывался засвидетельствовать свои слова.

— Это очень важная информация, — сказал Фрадков. — Мы не собираемся следовать таким путем, мы ведем исключительно честный бизнес. Но знать, на что способны пойти наши конкуренты, всегда очень полезно.

— Я с вами полностью согласен.

— Фрадков молчал, что-то обдумывая. Мне так и казалось, что я вижу, как медленно, с большой натугой, перемещаются в его голове тяжелые плиты мыслей.

— Нам в ближайшее время надо будет провести кампанию в средствах массовой информации касательно аукциона. Мысль проста: мы, как крупный российский концерн, имеющий богатый опыт ведения бизнеса в самых разных сферах экономики более чем кто-либо достойны того, чтобы стать обладателем нефтяной компании. Завтра вы должны представить мне план этой кампании. И свяжитесь с Мариной Анатольевной Царегородцевой, она будет курировать финансовую часть вашей деятельности.

— А почему бы нам в таком случае не провести пресс-конференцию и всенародно объявить о нашей позиции.

Фрадков не надолго задумался.

— Давайте, проводите, — согласился он.

Фрадков кивнул головой, что по-видимому на его языке означало, что разговор окончен, и я могу быть свободен. Я поднялся и сделал вид, что уходи. На самом же деле я заготовил небольшой ход, Интересно, сработает ли он?

Еще когда я вошел в кабинет, то увидел на стене картину: мужской портрет с искаженными

чертами лица. Не зря я все-таки полночи читал монографию о Модильяни, так как сразу же узнал руку мастера.

Я замер в благовейном восторге перед картиной.

— Михаил Маркович, могу я вас кое о чем спросить? Неужели это сам Модильяни?

Мои слова подействовали на Фрадкова волшебным образом, буквально за мгновение он, словно Золушка, весь преобразился, с лица, подобно маске, слетела угрюмость, и оно приобрело какое-то совсем иное выражение. Он быстро встал и направился ко мне.

Пока он преодолевал разделяющее нас расстояние, я наблюдал за ним. Если бы он спросил у меня совета, я бы порекомендовал ему каждый вечер хотя бы с часок проводить в спортзале, занимаясь на тренажерах. Невысокий, толстый, а от того неуклюжий, он не шел, а как-то странно семенял ногами. Обладая такой непривлекательной внешностью и такими некрасивыми манерами, по неволи станешь нелюдимым.

— Вы правы, это Модильяни, — подтвердил он. — Я приобрел эту картину на одном из аукционов в Англии. А вы интересуетесь живописью, в частности этим художником?

— Я когда-то немного занимался живописью, а Модильяни был одним из моих любимейших

живописцев.

В моих словах было примерно тридцать процентов правды, что в данной ситуации являлось, на мой взгляд, высокий результатом. Я действительно в свое время немного занимался живописью, так как учитель рисования находил у меня неплохие способности. Но затем меня увлекли другие стороны жизни, и я навсегда и без большого сожаления забросил это дело. Что же касается Модильяни, то до вчерашнего вечера, а вернее, даже ночи, я им никогда не интересовался. Да и в художественном музее в последний раз побывал лет десять тому назад.

— Я очень люблю этого художника, — сообщил Фрадков. — А какая печальная у него судьба. Я был на его могиле в Париже. На памятнике начертано «Смерть настигла его на пороге славы». От этого грустно вдвойне. У меня дома есть еще несколько его картин.

Я решил, что ситуация благоприятствует для следующего шага.

— Очень бы хотелось как-нибудь посмотреть на них.

Фрадков окинул меня настороженным взглядом, и я понял, что он все еще не доверяет мне.

— Думаю, это возможно.

Он снова засеменил к своему столу, а я понял,

что аудиенция окончательно закончена.

Глава 6

Я вернулся в отдел. И устроил первое производственное совещание. Двое моих сотрудников заняли места в моем кабинете. Я внимательно рассматривал их. Мои первые впечатления о них только подтверждались. Ольга была все такой царевной-несмеяной, она смотрела на меня своими печальными глазами, и мне почудилось, что в них таится упрек. Но если это так, то за что она меня упрекает? Как бы по деликатней выяснить, что с ней все же творится, что за вселенская скорбь поселилась в ее душе? Но это как-нибудь потом.

Я перевел взгляд на Потоцкому. Он сидел как-то чересчур вальяжно, уж как-то слишком независимо от меня, положив ногу на ногу. Так при новом начальнике обычно себя не ведут. Конечно, если только у подчиненного есть другой, более высокопоставленный покровитель. Хорошо, учтем и это обстоятельство.

Я стал объяснять, какое задание нам предстоит выполнить.

— Пропагандистская кампания должна быть энергичной и наступательной, но не агрессивной. Нам надо вдолбить в голову всех, в чем

закключаются наши преимущества. А начнем мы с пресс-конференции. И кроме того, в ряде органов печати необходимо разместить заказные статьи. Ставки очень велики, а потому надо работать по крупному. Времени мало, поэтому через два часа жду ваших предложений. Тогда и наметим уже конкретный план действий.

Я проводил глазами своих сотрудников и тут же раздался телефонный звонок. В трубке звучал мелодичный женский голос.

— Леонид Валерьевич, с вами говорит финансовый директор Марина Анатольевна Царегородцева. Михаил Маркович попросил меня связаться с вами и обсудить финансовые детали предстоящей кампании. Когда мы сможем это сделать?

— Я готов прямо сейчас.

— Замечательно. Я вас жду.

Она-то меня ждет, но не думает о том, что пока я не являюсь счастливым обладателем спецпропуска на семнадцатый этаж, меня туда просто не пустят. Разве только в кампании с Перминовым.

Я позвонил ему и поведал о своем затруднении.

— Я распоряжусь, чтобы завтра вам выдали этот пропуск. Вам придется часто навещать семнадцатый этаж, — засмеялся он. — Ждите,

сейчас к вам приду.

Перминов проводил меня до двери кабинета Царегородцевой и как-то странно-многозначительно посмотрел на меня. Затем загадочно улыбнулся и пожелал мне приятной беседы.

Царегородцева сидела за столом. Она встретила меня улыбкой и пригласила сесть. Несколько мгновений мы молчали. Я разглядывал ее, а она, кажется, тоже самое делала в отношении меня.

Я почувствовал волнение. И дело заключалось не только в том, что передо мной сидела весьма привлекательная женщина; далеко не все привлекательные женщины, которых я встречал на своем жизненном пути, вызывали во мне интерес. Но она относилась именно к этой категории.

Что-то было завораживающее в ней. То ли секрет ее обаяния таился в больших серых глазах с поволокой, то ли в удивительно тонких губах, которые загадочно улыбались мне, то ли в том изяществе, с каким она наклоняла голову, перемещала руки по столу.

Так уж получилось, что в последнее время отношения с представительницами слабого пола у меня как-то не складывались, подружки, которых я находил, быстро исчезали. Они вызывали во мне скуку, так как были слишком уж предсказуемы в

своих словах, желаниях поступках.

— Вы еще не знаете о порядке, который существует у нас, — сказала она. — Для проведения каждой пропагандисткой кампании вы составляете смету и присылаете ее мне. Я изучаю ее и отдаю на подпись Михаилу Марковичу. И если он ставит ее, вам открывается финансирование.

— Я понял, сегодня такую смету составляю.

— Кстати, вы можете посылать мне ее по электронной почте.

Вопрос был исчерпан, но у меня возникло подсознательное ощущение, что Царегородцева совсем не против продолжения нашего разговора. Что же касается меня, то говорить об этом было даже излишне.

Она откинулась на спинку кресла.

— Как вам у нас в «Конти»? — спросила она.

— В «Конти», — не понял я.

— Так мы на своем сленге называем наш концерт.

— Понятно. Пока трудно сказать. Я работаю всего пара часов. Но мне нравится, что здесь быстро принимают решения. Это соответствует моему характеру. Чем дольше размышляешь, тем нерешительней становишься.

— Да, решения тут принимаются быстро, — согласилась Царегородцева. — Но быстро, не означает, что всегда правильно.

Я не совсем понимал, что она имеет в виду, скорее всего в данный момент она вела диалог не со мной.

— Ошибки возможны в любом деле. А это бизнес, штука весьма рискованная, — как можно неопределенней произнес я.

— Тут вы правы. Хотя все зависит от того, чем рискуют.

С кем же она ведет заочный диалог, подумал я?

— Знаете, я привык рисковать. В каком-то смысле это моя профессия.

— Ну да, вы же бывший сотрудник ФСБ, а затем журналист газеты «Расследование». Я читала некоторые ваши публикации. И вам не бывало страшно?

— Разумеется, мне довольно много раз бывало страшно. Но до сих пор удавалось обуздывать свой страх. Мой опыт свидетельствует, что именно неспособность справиться с ним, и представляет наибольшую опасность. На моих глазах погибали люди только потому, что были парализованы испугом. Владей они в тот момент собой, могли бы остаться в живых.

Мне показалось, что мои слова попали в точку, Правда, в какую я не представлял. По крайней мере она задумалась.

— Да, наверное, вы правы. Но, боюсь, это не

всем по силам. Нужно обладать большой выдержкой, чтобы в нужный момент не поддаться панике.

— Разумеется, но меня готовили к таким ситуациям.

— В таком случае наша кампания в вашем лице получила более чем ценного сотрудника.

— Честно говоря, очень надеюсь, что эти мои качества тут не понадобятся. Одна из причин, почему я принял это предложение, как раз и заключается в том, что я хотел пожить спокойной жизнью. Поверьте, в этом есть своя прелесть.

— Тогда остается только пожелать, чтобы это ваше намерение исполнилось.

Она изменила положение тела в кресле, и я понял, что на этом наш разговор закончен. Получился он несколько сумбурным и малопонятным.

Я встал и направился к выходу. У двери я повернул голову и посмотрел на хозяйку кабинета. И увидел, что она тоже смотрит на меня.

Глава 7

Я понимал, что от того, как пройдет моя первая кампания, будет зависеть моя репутация, а значит и степень доверия ко мне. Я решил не ударить в грязь лицом, и провести ее на высшем

уровне. А потому весьма беспощадно эксплуатировал свой небольшой коллектив. Бедняги, им приходилось работать на полную катушку. Я видел, что они не привыкли к такому ритму, и выдерживать резко возросшие нагрузки им было не так-то легко. Но если Ольга безропотно сносила все, что выпадало на ее долю, то Потоцкому это явно не нравилось. В прямую высказывать свое недовольство он не осмеливался, но весь его вид говорил о том, как он сильно возмущен таким положением вещей.

Я же специально нагружал его сверхмеры, так как подозревал в наущничестве. И был бы совсем не против, если бы он попросил о переводе в другое подразделение. Ну а если же он этого сделать не хочет или не может, то пусть расплачивается за шпионаж.

Впрочем, на данном этапе больше меня интересовала Ольга, чем ее коллега. Я заметил, что на ее столе стоит фотография в рамочке. Причем, она поставлена так, что кроме нее разглядеть, кто на ней изображен, было практически невозможно. Однажды я заметил, что посмотрев на снимок, у нее выступили слезы. В конце каждого рабочего дня она клала его в стол и запирала ящик.

Однажды, дождавшись, когда все уйдут домой, я аккуратно открыл ящик стола. Сделать это без ключа не представляло для меня никаких

трудностей. В свое время этому своеобразному искусству меня обучали лучшие специалисты данного дела.

Я понимал, что поступаю некрасиво, но оправдывал себя тем, что мною движет отнюдь не праздное любопытство, меня не покидало ощущение, что тут таится некоторая загадка. И если я ее разгадаю, то это может принести мне ощутимую пользу.

Я извлек фотографию из ящика. На ней был запечатлен мужчина, помоложе меня, с приятным открытым лицом. Он широко улыбался; чувствовалось, что был в хорошем настроении. Он был снят на фоне здания концертна.

Кто бы это мог быть? Несколько секунд я раздумывал, пока догадка не осенила меня. Правда, ее еще надо проверить. Но если я прав, это дает обильную пищу для важных размышлений.

Другая проблема, над которой я ломал голову, как мне пробраться в кабинеты своих начальников, чтобы установить там «жучки». Если это сделать не удастся, то мое пребывание в концертне вряд ли окажется плодотворным. Но чтобы осуществить этот план, надо преодолеть целую череду препятствий: во-первых, каким-то таинственным образом незаметно миновать блок-пост у лифта, во-вторых, так же незаметно проскочить мимо видеокамер. Дабы выполнить эту задачу следует на

время превратиться в призрака. Увы, таких способностей до сих пор я в себе не замечал. Следовательно, нужно искать другие пути. Но без помощника, который работает в концерне, это будет сделать трудно, я слишком плохо знаком с внутренними помещениями, а на их изучение уйдет слишком много времени. Но где взять такого человека? Круг замкнулся.

Свои мысли я безотчетно, но все больше обращал в сторону Ольги. Если я сумею проникнуть в ее секрет, то как знать, не улыбнется ли мне удача. Я уже установил, что мужчина на фотографии — бывший руководитель нашего департамента, Дьяченко Евгений Васильевич, то есть тот человек, чей кабинет я занимаю. В моем распоряжении о нем имелась крайне скудная информация; кроме того, что он погиб в автомобильной катастрофе при невыясненных обстоятельствах, больше мне по сути ничего известно. Но вот Ольга, может быть, что-то знает или о чем-то догадывается. И она должна поделиться со мной своими сведениями.

Два дня я затратил на то, чтобы выяснить, каким маршрутом она возвращается с работы домой. Делала она это самым демократичным способом — на автобусе, который иногда приходилось ждать в толпе таких же бедолаг не менее пятнадцати минут. Я решил, что с моей

стороны будет весьма благородно, если однажды подвезу ее на своем автомобиле.

Я вышел из здания немного раньше, чем обычно, и теперь сидел в машине, дожидаясь, когда моя сотрудница его покинет. Наконец я заметил в толпе окончивших работу людей ее печальный силуэт. Как обычно, она подошла к автобусной остановке.

Только бы не приехал в ближайшие несколько минут автобус, молил я провидение. Я завел машину, подъехал к остановке. Ольга стояла, опустив голову вниз, и ничего не замечала вокруг.

— Ольга Вячеславна! — позвал я.

Она встрепенулась, подняла голову. При виде меня, ее лицо отразило удивление. Она подошла к машине.

— Еду мимо, вижу, вы тут стоите, — пояснил я свои действия. — Садитесь, я вас подвезу.

Теперь на ее лице появилась нерешительность.

— Спасибо, я лучше дождусь автобуса.

Не хватало еще только, чтобы она отклонила мое приглашение.

— Садитесь, заодно по пути и поговорим. Я хотел бы лучше знать тех, с кем работаю. Вы понимаете, как это важно для успешной деятельности.

Против такого аргумента она не смогла

устоять и села в машину.

— Куда вас везти?

Ольга назвала адрес. Довольно далеко. Тем лучше, будет время обстоятельно побеседовать. К тому же если выбрать дорогу, где много пробок, то наговориться можно просто всласть.

Но первые минуты нашего совместного пути мы проехали молча.

— Вы каждый день добираетесь на автобусе, это не очень удобно, — сказал я.

— Ничего особенного, так вынуждены делать многие. Город очень большой.

— Это верно, большой, — согласился я. — А хотите, иногда буду вас побрасывать. Я мужчина холостой, по вечерам делать нечего, а прокатиться по вечернему городу с приятной молодой женщиной — одно удовольствие.

Ольга посмотрела на меня своими большими грустными глазами.

— Леонид Валерьевич, я бы хотела сразу же уточнить одно обстоятельство; если вы собираетесь ухаживать за мной, то не стоит начинать, вы только напрасно потеряете время.

— А почему? Вы же, насколько мне известно, тоже не замужем. А два свободных человека — это всегда потенциальная пара.

— Возможно, но это не тот случай.

Я решил, что здесь как иногда в рулетке, надо

идти ва-банк и ставить на одну цифру все фишки.

— Мне кажется, в вашей жизни совсем недавно произошло что-то очень трагическое. Я не прав?

Я отдавал себе ясный отчет, что вторгаюсь в запретную зону и причиняю ей боль. Но ставки в игре были слишком уж высоки, и кто знает, сколько раз еще придется совершать и более жестокие поступки.

И все же ее реакция меня повергла в полное замешательство. Ольга не просто заплакала, она даже не зарыдала, она захлебнулась плачем. Все ее тело крупно затряслось, а слезы всего за несколько мгновений сделали почти насквозь мокрой кофточку. А так как она не только не успокаивалась, но еще сильнее заходила в рыданиях, мне пришлось припарковать машину к бордюру.

Я не знал, как ее утешить и положил руку ей на плечо, надеясь больше на естественное затухание истерики. Но пришлось ждать не меньше пяти минут, прежде чем Ольга немного успокоилась.

Я вытер платком слезы с ее щек, она благодарна кивнула головой. Хотя благодарить меня было не за что, именно я своими расспросами вверг ее в это состояние.

— Можно ехать дальше? — спросил я.

Она кивнула головой.

— Простите, это получилось само собой, — прошептала она, когда мы снова оказались в плотном потоке машин.

— Могу я задать вам несколько вопросов? Но не для того, чтобы флиртовать с вами.

— Спрашивайте.

— У вас был роман с моим предшественником?

Ольга несколько секунд молчала, она явно колебалась, стоит ли посвящать меня в детали своей личной жизни.

— Зачем вам это знать, я не понимаю.

— Скажите, Ольга, я вам нравлюсь, не как мужчина, а как человек, как непосредственный ваш руководитель? Говорите честно, я их тех людей, которые тонко чувствуют ложь.

— Я не собираюсь лгать. Вы мне симпатичны. Пока, — добавила она после короткого раздумья.

Я улыбнулся.

— Значит, я могу рассчитывать хотя бы на минимальную степень доверия с вашей стороны.

— Пожалуй.

— Тогда я все же настаиваю на своем вопросе.

— Мы любили друг друга и хотели пожениться.

— Но никто о вашем романе в концерне не знал. Вы его тщательно скрывали, — предположил

я.

— Да, на работе мы поддерживали чисто деловые отношения. А встречались подальше от концерна.

— А могу я узнать, почему?

— А вы еще не поняли? — вдруг с вызовом спросила она.

Такая интонация прозвучала столь непривычно в ее устах, что я даже покосился на Ольгу. И удивился выражению ее лица, впервые оно было не печальным, а полным ненависти.

— Вы же знаете, что я здесь работаю совсем недавно.

— В концерне следят за сотрудниками. По крайней мере, никто не знает точно, установлена ли за ним слежка или нет. И Женя считал, что встречаться тайно безопасней.

— Могу я задать вам самый трудный для вас вопрос?

— Вы хотите узнать, как погиб Женя? Не беспокойтесь я смогу вам ответить. На сегодня я уже выплакалась. Автомобильная катастрофа, грузовик наехал него его машину и всю ее расплющил. Врачи уверяли, что Женя погиб мгновенно. Когда я его увидела в морге, то даже сначала не узнала, так он был изуродован.

— Грузовик, естественно, не нашли.

Ольга пожала плечами.

— Вы не верите, что это был несчастный случай?

Она молчала так долго, что я уже забеспокоился, не перегнул ли палку и задал вопрос, который не должен был задавать.

— Это не был несчастный случай, — уверенно и твердо произнесла она, — его убили.

Хотя я не сомневался в этом, но почему-то ее слова заставили меня вздрогнуть.

— Кто убил?

— Они.

— А кто они?

— Что вы хотите от меня, зачем вы меня об этом спрашиваете? — срывающимся голосом произнесла Ольга.

Я снова остановил машину у тротуара. Мне нужно было, чтобы она поверила бы мне, и я не мог одновременно беседовать с ней и вести автомобиль.

— Ольга, — проникновенно произнес я, — вы должны мне доверять.

— Почему?

— Потому что это вам необходимо. Поверьте мне, одна вы не справитесь с ситуацией. Вам нужен кто-то, на кого вы могли бы опереться.

— Я не знаю, — пробормотала она. — Все это настолько ужасно... Но кто вы?

— Я тот, за которого себя выдаю. И это самое лучшее, что можно в такой ситуации придумать. Вы

же знаете, почему убили вашего жениха.

Несколько минут Ольга сидела неподвижно. Я понимал, что происходит в ее душе, понимал, что она сейчас принимает для себя одно из самых важных решений в жизни. И при этом очень рискует. Рискует практически всем, что у нее еще осталось.

— Жене стали известны некоторые факты, — тихо, что я едва услышал ее, произнесла она.

— Какие факты?

— По поводу незаконных финансовых операций и увода денег за границу. И еще кое-чего?

— Чего же?

— Наркотики, — тихо произнесла Ольга.

— Вы хотите сказать, что концерн занимается еще и наркоторговлей.

Она кивнула головой.

— Кому кроме вас он рассказал об этих делах?

— Мне известно лишь то, что он ходил к Царегородцевой. В этот день мы с ним не встречались, и я не знаю, о чем они разговаривали. В тот же вечер он и погиб.

— Печальная история. — Я снова тронулся с места. — Объясните, а почему он пошел именно к Царегородцевой?

— У них всегда были хорошие отношения. И он считал ее честным человеком. Я знаю, она

сильно сокрушалась, когда узнала, что с Женей произошло.

— Но погиб-то он сразу после разговора с ней, — задумчиво произнес я. Хотя с другой стороны это еще ни о чем не говорит, а только лишь наводит на некоторые размышления. Внезапно мне в голову пришла одна странная мысль. — Скажите, Ольга, а почему после всего того, что случилось, вы остались работать в концерне?

Я уже сбился со счета, сколько в нашем разговоре возникало пауз. Вот еще она долго молчала, прежде чем ответить.

— Я хочу им отомстить!

— Но каким образом?

— Не знаю. Но я живу только для этого. Вы даже представить себе не можете, каким замечательным человеком был Женя.

— Я вам верю. Но не понимаю, как вы можете им отомстить. При малейшем подозрении они вас уничтожат.

— Пускай. Я соединюсь с ним.

Она явно говорила о своем женихе.

— А не лучше ли вам пока ничего не предпринимать, а помогать мне.

Ольга вопросительно взглянула на меня.

— Да, — подтвердил я, — помогать мне и при этом не задавать вопросов.

— Но, я так не могу, я должна... — Она вдруг

резко оборвала себя. — Я согласна. Что от меня требуется?

Я улыбнулся. Молодец, она буквально за считанные минуты вошла в новую роль.

— Вы давно работаете в концерне?

— Почти семь лет.

— Значит, хорошо знаете многих.

— Да.

— В том числе и вспомогательный персонал. Электриков, сантехников, телефонистов.

— Не всех, но многих знаю, их не так уж много.

— Меня интересует электрик, который отвечает за электросети на семнадцатом этаже. Вам он знаком?

— Да, раньше он обслуживал наш этаж, а потом его перевели, как мы шутили, выше. Очень хороший парень и отличный специалист.

— Как его зовут?

— Юра Косов. Между прочим, они были с Женей близкими друзьями. Юра на самом деле инженер, а в электрики переквалифицировался потому, что тут больше платят.

— А вы делились с ним своими подозрениями по поводу гибели вашего жениха?

— Нет, он ничего не знает.

— А как бы он отнесся к таким фактам?

— Был бы возмущен. Он считает

руководителей концерна не чистыми на руку.

— Если я в ближайшие дни попрошу вас об одной услуге?

— Поговорить с Юрием? — догадалась Ольга.

— Да. Но это крайне ответственный разговор, его цена...

— Не надо, я все понимаю, — прервала меня Ольга. — Кстати, мы приехали. Вот мой дом.

Я остановил машину возле ничем не примечательной типовой девятиэтажке. Ольга вышла из автомобиля.

— Вы можете рассчитывать на меня, — сказала она и направилась к подъезду.

Глава 8

После разговора с Ольгой мой интерес к Царегородцевой возрос многократно. Но если раньше он питался исключительно тем, что она была привлекательной женщиной, то теперь к этому прибавилось еще и желание узнать, что поведал ей Дьяченко в день своей смерти. Но после первого разговора наше общение больше не возобновлялось. Не считать же краткие приветствия в тех редких случаях, когда мы сталкивались с ней в многочисленных коридорах. Я пытался по едва уловимым признакам определить, испытывает ли она хотя бы самый маленький интерес ко мне, но по

ее виду что-либо понять было абсолютно невозможно.

Да и встречались мы не часто, так как она относилась к категории людей, которых в концерне называли «небожителями», то есть теми, чьи кабинеты располагались на самом высоком в прямом и переносном смысле семнадцатом этаже. Я же хотя и имел пропуск туда, появлялся там не часто, в основном только по вызову руководства. Я уже знал, что на тех, кто приходил туда без надобности, смотрели весьма неодобрительно и брали на заметку. И мне волей неволей приходилось ограничивать свои посещения.

Между тем, семнадцатый этаж интересовал меня больше всех остальных вместе взятых этажей концерна. Прошла уже целая неделя моей работы тут, а я все никак не мог придумать, как мне туда проникнуть. Задача казалась практически неразрешимой. Даже если с помощью Ольги удастся склонить к сотрудничеству электрика, оставалось непреодолимое, как великая китайская стена, препятствие, — пост у лифта. И сколько бы я не ломал голову, как его обойти, ничего придумать никак не мог.

Когда я на следующий день после столь знаменательного разговора со своей сотрудницей пришел на работу, то мне сразу же позвонили из секретариата Кирикова и попросили зайти к нему в

кабинет. До сих пор такой чести я еще не удостоивался.

Кириков встретил меня с широкой улыбкой и совсем по-свойски. Он даже не стал одевать пиджак, а остался в рубашке с галстуком. Правда и в таком виде было на что посмотреть; сорочка была необычной красоты, явно из коллекции какого-нибудь известного кутюрье, а не менее красивый галстук был заколот золотой булавкой и большим бриллиантом.

Мы пожали друг другу руки.

— Как вам у нас работается? — спросил он.

— Вполне комфортно. Все вопросы решаются на удивление оперативно.

— Такой наш фирменный стиль. В наше динамичное время побеждает тот, кто делает все быстрее. Бизнес — это спорт. Причем, единственный настоящий спорт. А все эти футболы, волейболы, теннисы по сравнению с ним так, детские игры. Вы согласны?

— Может быть, вы и правы. В свое время я довольно много занимался спортом. И по собственному опыту могу сказать, что он требует полной самоотдачи.

— Это когда вы работали в ФСБ? — пристально посмотрел на меня Кириков.

Я на всякий случай насторожился.

— В том числе, да.

Кириков засмеялся и похлопал меня по плечу.

— Не обижайтесь, это я это упомянул без всякой задней мысли. Нет, вру, задняя мысль все-таки была. Должен вам сказать, Леонид Валерьевич, то мы довольны вашей работой. Конечно, неделя не срок, но хорошего работника можно определить быстро. Как, впрочем, и плохого. — Он снова засмеялся. — Вы уже успели сделать несколько хороших публикаций о нас. Теперь вот пресс-конференция. Кстати, я запомнил, когда она намечена?

— На завтра.

Кириков удовлетворенно кивнул головой.

— Это очень важное мероприятие. Особенно на фоне последних событий. Вы читали сегодня газеты?

— Не успел, сразу же отправился к вам.

— О том, что эта статья появится, мы узнали еще накануне. Но сделать ничего не смогли, было уже слишком поздно, номер подписан. Да и надо отдать должное заказчикам, они предприняли все меры, чтобы она бы вышла в свет. Почитайте.

Кириков взял со стола и протянул мне одну из самых известных газет в стране. Искать статью не пришлось, она была очерчена красным карандашом.

Я погрузился в чтение. Статья была весьма рыхлой и неопределенной по содержанию. Было

очевидно, что у автора явно испытывал недостаток материала. Хотя концерн обвинялся почти во всех смертных грехах, но вот с доказательной базой было слабовато. Зато что только не упоминалось: и торговля наркотиками, и рэкет, и уклонение от уплаты налогов, и подкуп должностных лиц.

Я дочитал статью и возвратил газеты ее владельцу.

— Не мне вам говорить, Леонид Валерьевич, что вся это от начала и до конца вымысел и клевета. Вы сами видите, мы ведем честный бизнес. Но вы не хуже меня знаете, достаточно ложь вывести на орбиту, а дальше, она, как искусственный спутник, будет вращаться самостоятельно. Наши конкуренты ничем не брезгуют. Мы, разумеется, с вашей помощью сочиним опровержение, наши юристы уже готовят иск в суд. Но все это не слишком действенные меры, они не достигают главного, мы не можем себя считать защищенными от подобных инсинуаций и впредь. А в этом-то вся соль. Эту газету прочтут несколько миллионов человек, а кто узнает о выигранном судебном процессе. Единицы. Мы должны работать на опережение.

— Но мы не можем закрыть все амбразуры, у нас не хватит никаких сил.

— А почему бы и нет. С вашим опытом вам как раз и карты в руки. Разумеется, дорогой Леонид Валерьевич, одному вам это дело не потянуть.

Поэтому свяжитесь с нашим руководителем службы безопасности. У него есть кое-какие предложения на этот счет. Я заранее понимаю, что вам они могут не очень понравиться. Поверьте, мне они нравятся не более того. Но что же делать, если в нашей стране живут по законам волчьей стае. Приходится огрызаться. У концерне большие планы по расширению деятельности. И нам, как воздух, нужна хорошая репутация. И мы очень надеемся на то, что вы сумеете нам ее обеспечить. А знаете-ка что, дорогой Леонид Валерьевич, вам, наверное, еще неизвестно, что у нас есть традиция, периодически мы устраиваем корпоративные вечеринки. Разумеется, приглашаем и нужных людей. Почему бы и вам в них не участвовать. Я вам сообщу в самое ближайшее время, когда будет следующая. Там будет прекрасная возможность пообщаться в неформальной обстановке. Надеюсь, вы не против?

— Сочту за честь.

— Замечательно. Пишу в свой еженедельник: прислать вам приглашение. А теперь вас ждет Костомаров.

Прежде чем вернуться к себе, я пользуясь тем, что попал на семнадцатый этаж, решил по нему совершить небольшую пешую прогулку. Я дошел до конца коридору в противоположной от лифта стороне и увидел на потолке люк. Конечно, он был

закрыт, но то, что закрыто, однажды может стать открытым. По крайней мере, эта, пусть даже прозрачная, но возможность попасть сюда, минуя пост.

Едва я вернулся к себе, как мне тут же позвонил начальник службы безопасности и пригласил в свой кабинет.

Это было первый наш контакт, и я направлялся в его кабинет не без некоторого волнения. Костомаров встретил мое появление таким пристальным взглядом, словно хотел с его помощью проникнуть во все мои тайные мысли. Я улыбнулся как можно дружелюбней ему в ответ. В свое время нас учили отвечать на подобные выпады совершенно неожиданным образом для противника. Это вносит определенный беспорядок в его замыслы.

Но я быстро убедился, что с Костомаровым подобные приемы не срабатывают. Он продолжал смотреть на меня по-прежнему настороженно, словно заранее в чем-то подозревая. Впрочем, вскоре я убедился, что так оно и есть.

— Мы с вами еще не беседовали, — произнес Костомаров. — Хотя я давно намеревался это сделать. Да все было некогда.

— Много дел? — поинтересовался я.

— Больше, чем когда я работал в конторе, — усмехнулся начальник службы безопасности. Хотя

побеседовать с коллегой всегда особенно интересно.

— С бывшим коллегой, — уточнил я.

Костомаров, не соглашаясь, покачал головой.

— Есть профессии, которые оставляют отпечаток на всю жизнь. Одна из них — наша с вами.

Я подумал, что в каком-то смысле он прав. А уж на нем этот отпечаток просто преогромный.

Костомаров вдруг сощурил глаза.

— А почему вы ушли из конторы?

— Захотелось большей свободы. Там ты не человек, а винтик в огромной машине. В любой момент тебя могут начать завинчивать или отвинчивать. А ты не имеешь никаких прав на возражения.

— В таком случае должен вам проинформировать, что в той конторе, куда вы сейчас попали, действуют еще более жесткие правила.

— Зато здесь, по крайней мере, платят деньги. А, согласитесь, это отчасти меняет ситуацию.

— Меняет, но не принципиально. Или вы это еще не осознали?

Я понял, что допустил оплошность. Мне следовало бы создавать иной имидж, имидж человека, которым движут совсем другие мотивы.

— Знаете, я придерживаюсь жизненного

принципа: все, что не происходит, все к лучшему. Раз так жизнь складывается, так тому и быть.

— Не спорю, принцип хороший, — усмехнулся Костомаров, — только как начальник службы безопасности не могу с ним согласиться. По крайней мере, далеко не все, что происходит по линии моего ведомства, можно отнести к лучшему. Вы только что сами убедились, что против нас затевается большая игра. Вы, как мой коллега, должны понимать причины моего беспокойства.

— Костомаров наклонился в мою сторону и в очередной раз бросил на меня пристальный взгляд. Эта его манера смотреть на собеседника, как на потенциального подозреваемого, начала вызывать у меня раздражение. Со мной бы уж мог не играть в эти игры.

— Вы не замечали ничего такого в последнее время? — спросил он.

— Что именно?

— Например, кто-то к вам проявляет повышенный интерес.

Не сказать ли ему об обыске в моей квартире, мелькнула у меня шальная мысль. Разумеется, говорить об этом я не собирался.

— Нет, ничего такого, я бы заметил.

— Уверяю вас, скоро заметите. Дайте мне знать.

— Непременно.

— Теперь о деле. Руководством концерна поставлена задача своевременно узнавать о готовящихся против концерна провокаций, вроде сегодняшней. Мы разработали план по недопущению таких случаев. Я думаю, вы его оцените. Мы предполагаем в наиболее популярных средствах массовой информации создать свою агентурную сеть. Речь идет о вербовке не просто журналистов, а руководящего состава. Надеюсь, вы понимаете, что нас поставили перед вынужденной необходимостью принимать подобные ответные меры.

Я молчал, обдумывая услышанное.

— Но это потребует более чем солидных средств.

— Мы отлично это понимаем. Не беспокойтесь, деньги на операцию «Опережающий удар» выделены в нужном объеме.

— Как вы сказали, называется операция?

— «Опережающий удар». И вам предстоит активно в ней участвовать.

Я понимал, что никакого выбора у меня нет, либо я участвую, либо меня вышвырнут из концерна. Ослушание тут не допускается. А Костомарова, судя по всему, увлекают такие игры. Он непременно придумает, как меня проверить на лояльность. В конторе я встречал таких любителей, для них организовывать такие проверки являлось

самым большим развлечением в жизни.

— Хорошо, я согласен.

— В таком случае жду ваших предложений.
Руководство концерна очень надеется на вас.

Весь день наш отдел провел в напряженных трудах по подготовке пресс-конференции. После работы я решил, что настала пора еще раз переговорить с Ольгой. Время переходить к решительным действиям.

Так как договариваться о чем-либо в стенах концерна я опасался, то решил снова воспользоваться уже опробованным приемом и подстеречь ее на остановке. На этот раз когда я остановил свою машину возле нее, девушка не удивилась, а быстро села в салон.

— Я хочу вас попросить переговорить с вашим приятелем Косовым. Совсем скоро мне понадобятся его услуги.

— А я уже переговорила, — ответила Ольга.

От неожиданности я едва не врезался в рядом идущий автомобиль.

— Что вы наделали! Вы понимаете, как все мы рискуем.

— Не беспокойтесь, я не называла вашего имени. И вообще, ни о чем конкретном ему не говорила. Юра знает, как я их всех ненавижу, и я ему сказала, что появился человек, который хочет разоблачить этих негодяев. И ему нужна твоя

помощь. Он согласился.

Я немного успокоился. И все же она очень рисковала, можно не сомневаться, у этого Костомарова в осведомителях числятся не меньше половины персонала концерна. Можно себе представить, сколько на эти цели расходуется денег.

— А почему вы думаете, что я хочу их разоблачить?

Ольга посмотрела на меня своими большими грустными глазами.

— Я очень надеюсь на это.

Я вздохнул.

— Вы уверены, что ему можно доверять?

— Да, — твердо сказала она.

— Тогда организуйте завтра после работы нам встречу. Но только так, чтобы никто бы о ней не знал.

— Я понимаю.

— И еще, не держите на работе портрет вашего жениха. Они могут кое о чем догадаться.

— Хорошо, — покорно согласилась Ольга, — завтра я его унесу.

Пресс-конференция прошла с огромным успехом, как премьера в популярном театре. Народу в зале набилось столько, что не хватило не только сидячих, но и стоячих мест. И, как скоро я заметил, моя фигура вызывала не меньший интерес,

чем сами руководители концерна. Я даже не подозревал о такой большой своей популярности. Впрочем, я оказался в центре всеобщего внимания только в начале мероприятия, затем оно переместилось на главных участников этого действия. Они были просто засыпаны вопросами.

И надо отдать должное Кирикову, тот блестяще справлялся с ситуацией, ловко, как умелый фехтовальщик, парировал острые, а иногда и откровенно провокационные и злые выпады, аргументировано защищал позиции концерна.

Он был столь красноречив и убедителен, что временами я сам начинал верить в его слова. Что же касается Фрадкова, то он отвечал односложно и скучно, и поэтому вскоре его просто перестали спрашивать.

Периодически я посматривал в зал, где среди журналистов затесался и Костомаров. Я отметил, что он внимательно наблюдает за каждым спрашивающим, иногда что-то заносит в свой блокнот.

После пресс-конференции состоялся фуршет и раздача подарков журналистам. Мы тщательно подготовились к этой стадии мероприятия и все очень остались довольны. Я — тоже, так как приобрел несколько полезных контактов. Но при этом мои мысли были заняты совсем другим предметом.

Для беседы с Косовым я выбрал расположенное далеко от концерна небольшое кафе. Последний раз я там был несколько лет назад, когда встречался со своим осведомителем. Мне оно понравилось тем, что тогда народу там было мало, никто не мешал разговаривать, а кофе было вполне приличным.

Я ждал Косова и думал о том, что я вступаю в активную фазу операции. До сих пор я проводил подготовительную работу и практически ничем не рисковал. Теперь все становится по-другому, один неверный шаг — и можно проститься с жизнью. Судьба моего предшественника тому пример.

Добираясь до кафе, я тщательно проверял на наличии слежки. Но все было спокойно. И теперь оставалось лишь дождаться электрика.

Они появились с Ольгой почти точно в условленное время. Я внимательно рассматривал ее спутника: среднего роста, среднего возраста, довольно приятное интеллигентное лицо.

Пара подошла к моему столику.

— Познакомьтесь, — представила нас Ольга, — это Юрий Васильевич, а это Леонид Валерьевич.

Она явно не знала, что делать дальше. Я пришел ей на помощь.

— Спасибо, Ольга. У нас с Юрием Васильевичем предстоит чисто мужской разговор.

— Я понимаю, я пойду. — Она повернулась и быстро удалилась.

— Несчастливая, — сказал Косов, смотря ей в след. — Они были замечательной парой, я восхищался их романом. Таких чистых и романтических отношений сейчас встречаются крайне редко. А что теперь будет с ней? Вы знаете, что она дала клятву никогда не выходить замуж.

— Она мне об этом ничего не говорила, — поразился я. — Мне кажется, что она поступила все же опрометчиво.

Косов пожал плечами.

— Она поклялась в этом в церкви, перед Богом. Причем, поклялась не просто не выходить за муж, а не иметь никогда мужчин. Такой вот своеобразный монашеский обет.

— Надо бы ее разубедить в этом. Может быть, не сейчас, а немного позже, когда стихнет боль утраты.

— Вы ее плохо знаете, она редко отступает от того, что решила. Но вы хотели со мной поговорить о другом.

— Мне нужна ваша помощь, Юрий Васильевич.

— Но прежде чем говорить о помощи, я хотел бы понять ваши мотивы. И кто за вами стоит.

Я вздохнул.

— Что касается мотивов, то я хочу

разоблачить этих негодяев. А вот на второй вопрос я вам ответить в силу определенных причин не смогу. Вы должны меня понять.

Косов несколько секунд о чем-то размышлял.

— Хорошо, будем считать, что я вас понимаю. Теперь скажите, что требуется от меня?

— Мне надо незаметно попасть на семнадцатый этаж. Там есть два препятствия: камеры слежения и пост охраны возле лифта. Первый вопрос, можно ли отключить на время видеонаблюдение, но так, чтобы никто бы не заподозрил, что это сделано специально. Маленькая авария.

— Думаю, что да. Дело в том, что когда строили здание, то сделали не верную схему электропитания. И периодически оно отключается. В том числе и на семнадцатом этаже. На моей памяти такое случалось раза три, а то и четыре. Почему бы не произойти этому в пятый раз. Я инженер, и знаю, как это сделать так, чтобы отключение произошло бы точно в нужный момент. Достаточно поставить реле времени.

— Прекрасно. Будем считать, что один вопрос мы решили. Теперь второй: как сделать так, чтобы меня не засекли бы охранники? Я обнаружил в противоположном конце люк, который ведет на крышу. Другого пути я не вижу.

— Я знаю этот люк. Вы правы, через него

можно проникнуть с крыши в здание. Я не раз выходил через него на чердак, там расположены электролинии. Но люк закрыт, а ключи у коменданта. А замок там серьезный.

— И нет никакого выхода?

Косов задумался.

— Я, конечно, могу попросить у коменданта ключ для проверки электропроводки. По чердаку пропущен важная кабель. Но дело в том, что по инструкции комендант обязан присутствовать, пока я там нахожусь. Правда мне доверяют, и не всегда он следит за мной. Если нам повезет, и он отлучится, то я смогу сделать слепок. Ну а если нет, сами понимаете, что второй раз можно будет попробовать не скоро.

— Давайте попробуем, другого варианта все равно нет.

Косов как-то странно посмотрел на меня.

— Не знаю, какие ваши цели, но я им не прощу смерть Евгения. Такого замечательного парня еще надо поискать.

— Он вам что-нибудь рассказывал незадолго перед смертью?

Косов отрицательно покачал головой.

— Последние дня два он был немного не в себе, с ним говоришь, а через пару минут замечаешь, что он думает о чем-то своем. Я так понимаю, что информация, которую он раздобыл,

была настолько опасной, что он боялся делиться с нею с друзьями. Он даже Оли ничего не сказал.

Наш разговор оказался исчерпанным. И мы оба почувствовали это.

— Буду ждать от вас известий, — сказал я. — Только никаких контактов внутри здания, там все прослушивается.

— О «жучках» я давно знаю, сам пару их обнаружил. Так что не беспокойтесь.

Глава 9

Я не очень поверил, что Кириков выполнит свое обещание и пригласит меня на корпоративную закрытую вечеринку. Но на следующий день мне позвонила его секретарша и попросила зайти за приглашением. Я поднялся на семнадцатый этаж, получил конверт и вернулся назад.

Я допустил небольшую оплошность, вместо того, чтобы спрятать конверт в карман, держал его в руках. И когда вошел в отдел, то Потоцкий заметил это приглашение.

Я прошел в свой кабинет и стал читать прессу. После нашумевшей пресс-конференции, на которой наше руководство решительно опровергло все негативные слухи о компании, газеты разразилось огромной серией публикаций. И хотя их тон весьма различался, все же в целом он был скорее

благожелательным, чем критическим. Зато, на мой взгляд, непропорционально большое место было уделено моей персоне, кое где даже довольно подробно и без грубых ошибок излагалась моя славная биография. Честно говоря, такая популярность меня не слишком радовала, я полагал, чем меньше будут знать о моей работе в концерне, тем лучше.

В кабинет вошел Потоцкий. Наши отношения с самого первого дня установились прохладные, мы были подчеркнута вежливы друг с другом, но в какие-то душещипательные разговоры не вступали. Я давал задания, он добросовестно их выполнял.

— Да, Игорь Игоревич, в чем дело? — спросил я.

— Вы мне поручили составить речь для Михаила Марковича на банковском форуме.

— Было такое дело. Есть проблемы?

— Мне кажется, что учитывая сложившуюся в целом положительную ситуацию после пресс-конференции, нам следует изменить тональность выступления. Следует сделать больший акцент на наши достижения.

Я задумался.

— Не возражаю. Вы вовремя сориентировались. Буду только рад, если вы и впредь станете корректировать мои указания. Один ум хорошо, а два не всегда, но иногда все же лучше.

Взгляд Потоцкого как бы случайно упал на лежащий на столе конверт с приглашением.

— Вас пригласили на вечеринку, — немного небрежным тоном проговорил он. — Там классно. Я пару раз тоже бывал. Это единственное место, где можно свободно поговорить с «небожителями». Так что не упустите шанс. Многие пытаются его использовать для продвижения по службе.

— Спасибо за предупреждение, постараюсь воспользоваться шансом.

Я понимал, что Потоцкий этим демаршем хотел показать мне, что его статус на самом деле выше, чем просто рядовой сотрудник департамента общественных связей. Хотя если он сексот, то ему вряд ли стоило подчеркивать это обстоятельство. Скорей всего дело в уязвленном самолюбии, это еще одно подтверждение того, что он надеялся, что за его заслуги посадят в то место, на котором сейчас сижу я. Увы, парню не повезло.

Совет Потоцкого был в самом деле весьма полезным. Но меня несравненно больше волновал другой вопрос, удастся ли Косову сегодня заполучить отпечаток ключа.

Мы должны были встретиться после работы в нескольких кварталах от нашего офиса. Я ждал его в машине. Наконец появился инженер-электрик. Он сел ко мне в автомобиль.

Вид у него был изнуренный. Несколько

мгновений он потратил на то, чтобы прийти в себя. Я терпеливо ждал, когда он восстановит свои силы.

— Ну и денек выдался, — выдохнул Косов. —
Такого нервного стресса у меня еще не было.

Но мне было, честно говоря, не до его переживаний, меня волновал конечный результат.

— Вам удалось раздобыть отпечаток? — нетерпеливо спросил я.

Косов достал мыльницу.

— Вот он. Как назло комендант все то время, что я делал вид, что работаю на чердаке, торчал рядом. Мне пришлось все время что-то выдумывать, чтобы тянуть время. Наконец он не выдержал и слинял в туалет. Я надеялся, что он там пробудет хотя бы минут десять, но он вернулся очень быстро. Почти в тот самый момент, когда я делал отпечаток. Приди он раньше на полминуты, накрыл бы меня с поличным. И тогда мне пришлось бы повторить судьбу Евгения.

— Да, — оценил я ситуацию, — мы были на грани провала. Но будем считать, что нам здорово повезло.

— Еще как! — с чувством воскликнул Косов. — Я впервые сегодня понял, что выражение: уходит душа в пятки, имеет буквальный смысл. Когда комендант вернулся на чердак, я физически почувствовал, как она туда проваливается. Но вот что я не понимаю, — задумчиво промолвил он, —

как вы попадете на крышу?

— Вы мне не можете помочь?

— Нет. С меня довольно сегодняшних волнений. Я понял, что такие игры не для меня. Да и честно говоря, не представляю, как это можно сделать?

— Буду думать. Иногда решение бывает совершенно неожиданным. В любом случае, вам большое спасибо, вы очень мне помогли, — поблагодарил я Косова, понимаю, что больше на него рассчитывать не приходится.

— Это я ради Жени. Удачи!

Косов поспешно, словно чего-то опасаясь, вышел из машины и быстро направился в сторону станции метро. Я же поехал в мастерскую по изготовлению ключей. Ее я присмотрел заранее.

Мастера мой заказ сильно удивил, он смотрел на меня подозрительно, явно считая, что я готовлю какое-то преступление. Но когда я сказал, сколько готов заплатить за работу, все сомнения у него исчезли, жадность явно оказалась сильнее. Я же вернулся к себе на работу.

Я размышлял о том, как же мне оказаться на крыше. По соседству с офисом концерна располагался жилой дом, примерно одинаковой высоты. Но он не примыкал к нему вплотную, а находился на некотором от него расстоянии. Этот дом привлек мое внимание еще раньше, когда я

только замыслил свой план. И теперь мне предстояло выяснить, насколько он реален?

Вход подъезд перекрывала дверь с кодовым замком. Но я был уверен, что долго ждать мне не придется, кто-нибудь в эти часы непременно выйдет выгуливать собаку. Так и получилось, вышла молодая хозяйка с огромным псом на поводке. Я воспользовался моментом и быстро шмыгнул внутрь дома.

Я поднялся на лифте на последний этаж. Дальше наверх вела небольшая металлическая лестница, которая упиралась в люк. Он был закрыт на небольшой серийный висячий замок. Расправиться с ним было минутным делом. Я достал из сумочки инструменты и легко открыл его.

Я оказался на пыльном, пахнущем голубиным пометом, чердаке. Оттуда вышел на крышу.

Соблюдая крайнюю осторожность, я приблизился к ее краю. Крышу концертна «Континента» находилась никак не меньше чем в трех метров. Прыжком преодолеть такое расстояние было крайне опасно, я мог не допрыгнуть.

Я посмотрел на землю, и мне стало не по себе. С высоты семнадцати этажного дома мир внизу казался совсем маленьким. У меня нет фатального страха перед высотой, и все же я почувствовал, как закружилась голова, а по телу пробежал холодок.

Чтобы немного прийти в себя, я сел.

Как же мне преодолеть разделяющее две крыши расстояние? Я стал осматриваться. Единственный способ — перебраться на канате. Но каким образом организовать тут канатную переправу?

Недалеко от меня на крыше была укреплена антенна. Я посмотрел на соседнюю крышу и обнаружил, что точно такое же сооружение находится и там. Если набросить на него канат, то можно будет по этому фуникулеру перебраться с одной вершины на другую. Риск, конечно, очень велик, если не выдержит одна из антенн или я сделаю неверное движение, то полечу вниз в свободном падении. Уцелеть при приземлении с такой высоты нет ни одного шанса. Но это единственный путь на семнадцатый этаж. Другого нет и не предвидится.

Я спустился вниз и когда снова почувствовал под своими ногами твердую плоть земли, облегченно вздохнул. Как же все-таки хорошо, когда внизу под тобой нет этих нескольких десятков метров пустого пространства.

Глава 10

Я поставил машину на автостоянку. Мои скромные «Жигули» выглядели на фоне роскошных

«Мерседесов». Фордов» «БМВ» и других престижных марок, как бедный родственник в доме богатого дяди. Выйдя из машины, направился в сторону старинного особняка, отделенного от улицы высоким непроницаемым забором.

Показав охраннику приглашение, прошел во внутрь. И тут же словно бы перенесся назад в прошлое. Я очутился совсем в другом мире. Здесь в самом центре огромного современного мегаполиса царил другой век. Просторная лужайка была украшена скульптурными изображениями древних богов и героев. Из чаш били фонтанчики. Для полноты картины не хватало только появление патрициев в белоснежных тогах.

Впрочем, в патрициях и патрицианках недостатку тут не было. Только были они одеты в дорогие костюмы, а дамы — преимущественно в длинные в вечерние платья. Эта новая аристократия, разбившись по парам, медленно фланировала по дорожкам и тропинкам с бокалами вина и сока в руках.

Я почувствовал некоторую растерянность, так как при первом взгляде на собравшихся не увидел ни одного знакомого лица. Вернее, знакомые лица были, они принадлежали известным политикам, бизнесменам, артистам, но ни с кем из этих представителей сливок общества знаком я не был.

Ко мне бесшумно подкрался официант с

подносом, уставленным всевозможными напитками. Я выбрал первую попавшуюся рюмку. Сделал глоток, по вкусу определил, что это шампанское. Очень изысканное. Впрочем, скорей всего тут подают только такие напитки.

Где-то невидимый негромко и ненавязчиво заиграл оркестр. Но никто не обращал на его игру внимания, все продолжали медленно прогуливаться по территории усадьбы. Я же по-прежнему не знал, что мне делать в этой ситуации. Стоять неподвижно, подобно статуям богов, с шампанским в руках казалось столь же нелепо, как и бесцельно фланировать по тропинкам в полном одиночестве.

Прошло, наверное, уже не меньше десяти минут, а на меня по-прежнему никто не обращал внимания. Мельком я видел Кирикова, увлеченно беседовавшего с известным депутатом, затем появился быстро семенящий Фрадков, Но этим господам было явно не до меня, здесь присутствовало слишком много очень важных персон, чтобы уделить хотя бы чуточку внимания скромному руководителю департамента общественных связей.

В таком случае, что я тут делаю, задал я себе вопрос. Никакой пользы от моего присутствия на этом роскошном приеме скорей всего не будет. Не стоит ли в тогда удалиться? И вообще не принимать, если они последуют, более подобных

приглашений? Для каждого человека существует свой уровень, и если он попадает по воле обстоятельств туда, где он никому не интересен, то чувствует себя чужим и лишним. Вот как я сейчас.

Но эти мысли гостили в моей голове ровно до того момента, пока рядом со мной не раздался голос:

— Леонид Валерьевич, вы, кажется, скучаете?

Я обернулся и увидел перед собой Царегородцеву. Выглядела она великолепно: черное, строгое длинное платье без всяких украшений очень эффектно подчеркивало стройную довольно высокую фигуру. На шее сверкало бриллиантовое кольцо. В руке, как и я, она держала бокал с шампанским. Она смотрела на меня и улыбалась.

— Есть немного, тут слишком много незнакомых лиц, — признался я.

— Петр Олегович, заметил, что вам тут не слишком весело и попросил меня составить компанию вашему одиночеству.

— Выходит, вы выполняете поручение руководства, а не действуете по собственному желанию.

— А у вас никогда не бывало, что собственное желание совпадает с указаниями руководства?

Я улыбнулся, показывая тем самым, что оценил тонкость ответа Царегородцевой.

— В таком случае я спокоен, так как не стану для вас источником внутреннего конфликта.

— Не станете, — согласилась она. — Может быть, немного пройдемся. Это очень приятное место. Когда-то давно тут гуляли графы и князья, говорят, что в эту усадьбу к хозяевам запросто заезжал сам государь. Правда, не помню какой. Но это, думаю, и не важно.

— Теперь тут прогуливаются другие хозяева, — заметил я. Судя по лицам, сегодня тоже собрался высший свет. И часто наш концерт собирает такую публику.

— Не очень часто, но случается. Не мне вам объяснять, как близко соприкасается бизнес и политика. А это прекрасная возможность завести полезные знакомства в самых разных сферах, в неформальной обстановке обсудить важный вопрос. Между прочим, после таких приемов у концерна не раз появлялись весьма выгодные контракты. Кстати, видите представителей этой славной восточной страны, мы сейчас ведем с ними переговоры по поводу весьма перспективной сделки. Если она выгорит, то не исключено, что мы можем в скором будущем оказаться в этом государстве, на берегу океана, среди пальм. Вас не вдохновляет такая перспектива?

— Вдохновляет, особенно если вы будете моей спутницей к пальмам.

— Будем считать ваши слова дежурным комплиментом. Хотя такую возможность совсем исключить нельзя. Вы на хорошем счету, руководство вами довольно.

— И в награду послало вас меня развлекать.

Царегородцева засмеялась.

— А вам не нравится награда?

— Наоборот, я бы не променял ее даже на орден Почетного легиона. Не говоря уж о других отличиях.

— Вот вы какой. С вами надо держать ухо востро.

— Наоборот, я на самом деле очень покладистый, особенно рядом с красивыми женщинами. Я становлюсь почти как воск. Из меня можно лепить все что угодно.

— Что-то не очень верится. Вы производите впечатление человека, который любит навязывать другим свою волю. Да и репутация ваша, как журналиста, о том же свидетельствует.

— В какой-то степени это так. Но женская красота делаем меня другим, гораздо более покорным. Можно сказать, ручным, как хорошо выдрессированный медведь.

К нам подошел официант. мы поставили свои опустевшие бокалы на поднос и взяли новые. Я посмотрел на Царегородцеву и почувствовал волнение. Она была очень красивой и нравилась

мне с каждым новым шагом, который мы делали по этим проложенным много веков назад тропникам, все больше. Но меня волновал еще и другой вопрос, мне до жути хотелось узнать содержание ее последнего разговора с Дьяченко. И вообще, как можно больше об их отношениях. Но спрашивать об этом я не решался, так как совершенно не представлял ее возможную реакцию. А вдруг она немедленно сообщит о моем интересе Кирикову или Фрадкову. А то и Костомарову. Нет, придется подождать.

Царегородцева сделала глоток из бокала.

— Ручной мужчина. Вы меня интригуете. Какая женщина не хочет иметь такого человека где-нибудь поблизости. Жаль, что проверить ваши слова нет возможности.

— Почему же, я готов к любой проверке.

— Если я вас правильно поняла, вы приглашаете меня на свидание.

Я почувствовал, как заколотилось мое сердце.

— Как сейчас любят выражаться, я был бы рад встретиться с вами в неформальной обстановке.

Несколько секунд мы шли молча. Царегородцева внезапно остановилась и повернулась ко мне.

— Я подумаю над вашим предложением. Если его приму, то извещу по электронной почте. А теперь, извините, будем считать, что задание

руководства мною успешно выполнено. Тем более вот-вот начнет фуршет.

Царегородцева хотела уже удалиться, как внезапно застыла на месте. Ее лицо мгновенно преобразилось, от приятной улыбки не осталось и следа, оно вдруг приобрело испуганное выражение. Она не спускала глаз с идущего нам навстречу молодого мужчины.

Я тоже внимательно посмотрел на него. На вид ему было лет тридцать или около того, высокий, статный, спортивного телосложения. Лицо немного грубоватое, но не более, никаких следов вырождения я не обнаружил. Мужчина без всякого выражения скользнул взглядом сперва по женщине, затем по мне и направился дальше.

Я взглянул на Царегородцеву, она тоже посмотрела на меня и попыталась улыбнуться. Но улыбка явно вышла натянутой. Кажется, она это поняла, так как быстро отвернулась.

— Извините, — проговорила она и стала быстро удаляться.

Что это за мужчина и чем он так напугал мою прекрасную собеседницу, задал я себе вопрос. Но в этот момент показался мажардом и громко пригласил всех в дом на фуршет.

Столы были накрыты в прекрасном старинном зале, стены и потолок которого были сплошь украшены лепниной. Несмотря на внешний лоск и

изысканность все устремились к закускам. Причем, мужчины весьма решительным образом отталкивали дам, пробивая себе путь к яствам и напиткам. Вряд ли такое разрешали себе их предшественники.

Мне стало как-то неприятно, и я решил не торопиться. Одно лицо из присутствующих мне показалось знакомым. Зрение меня не обмануло, это был тот самый Хорунжий из Фонда имущества, о котором я совсем недавно поведал Фрадкову. И вот он уже здесь, Да, эти ребята работают оперативно.

Внезапно кто-то положил мне руку на плечо. Я повернул голову и не без удивления обнаружил, что меня дружески обнимает сам Кириков.

— Вы что-то не очень веселы, Леонид Валерьевич? — поинтересовался он. — Я даже для поднятия настроения послал вам прекрасную даму. Но вижу, она не справилась со своей крайне ответственной миссией.

— Марина Анатольевна с ней справилась прекрасно, просто здесь много людей, как говорили раньше, не из моего круга.

— Понимаю, но привыкайте вращаться в таком обществе. Почему бы вам со временем не войти в этот круг. Поверьте, ничего невозможного не существует. Нам нравится, как вы работаете. Первая пресс-конференция прошла с большим

успехом, все газеты напечатали о ней отчет. Если дело и дальше так пойдет, то почему бы не повысить ваш статус. Мы давно намеревались ввести новую должность — вице-президента, который бы курировал внешние связи концерна, формировал бы его положительный имидж внутри страны и за рубежом. И тогда вы по праву будете занимать место за этим столом со всеми этими людьми. Как вам такая перспектива?

— Весьма.

Кириков рассмеялся.

— Вот точный ответ журналиста. Знаете, не исключено, что скоро вам придется поучаствовать в одном интересном проекте. Вы же знаете восточные языки?

— Кончил институт восточных языков.

— Пока больше ничего вам не могу сказать.

Ешьте, веселитесь.

Внезапно перед нами вырос тот самый молодой мужчина, при виде которого несколько минут ранее Царегородцева изменилась в лице. Он остановился перед нами, посмотрел на Кирикова. И к своему удивлению я заметил, что и у него с лицом приключилась примерно та же картина. Кровь из носа, но мне надо как можно быстрее выяснить, что эта за таинственная личность, которая наводит на всех такой ужас?

Мужчина, не сказав ни слова, отошел от нас.

Но у Кирикова явно пропало желание продолжать наш диалог.

— Кстати, после ужина для любителей будут поставлены столы для игры в карты. Как в старину. Если у вас есть желание, милости прошу.

Он напоследок хлопнул меня по плечу и направился к следующему гостю. Я машинально проследил за Кириковым. Теперь он беседовал с весьма известным депутатом по фамилии Ильюк Вячеслав Георгиевич. Я его неплохо знал, несколько раз брал у него интервью. Про него ходили разные слухи, в том числе и не слишком лестные, о том, что он свои депутатские полномочия превращает в весьма выгодный товар. Но никаких доказательств в обоснованности подобных обвинений никто ни разу не предъявил. Зато он совершенно справедливо слыл человеком компетентным и умным. И кроме того очень богатым, хотя источники его состояния были покрыты мраком, так как никаким бизнесом по крайней мере официально он никогда не занимался. И мои беседы с ним подтверждали это мнение. Странно, что я его не заметил раньше, иначе бы непременно поговорил с ним. Скорей всего он только что приехал.

Полночи я просидел за столом, играя в преферанс. К великому моему удивлению моим партнером оказался Фрадков. Я быстро понял, что

он весьма опытный и искусный преферансист. Мы почти не разговаривали друг с другом, но я постоянно ловил на себе его внимательнейшие взгляды.

Встали мы из-за стола далеко за полночь. Наш дуэт выиграл весьма солидную сумму. И потому, несмотря на усталость, я чувствовал приятное возбуждение. Я направился к выходу в предвкушение, что через полчаса буду дома и довольный проведенным вечером растянусь на кровати.

Я уже сел в машину, как ко мне неожиданно подскочил один из телохранителей Фрадкова.

— Извините, но Михаил Маркович просит вас пересесть в его автомобиль.

Я почувствовал беспокойство. Почему-то ко мне пришла мысль, что это приглашение не предвещает ничего хорошего.

Я сел в бронированный джип Фрадкова на заднее сиденье рядом с ним.

— Леонид Валерьевич, вы не очень устали? — спросил он.

— Нет, я в порядке.

— Вы не будете возражать, если я приглашу вас к себе домой?

Предложение было настолько неожиданным, что я не сразу нашелся что ответить.

— С большим удовольствием приму ваше

приглашение.

— Тогда поехали.

— А как быть с моей машиной?

— Не беспокойтесь, дайте ему ключи, — показал он на сидящего на первом сиденье телохранителя. — Он поедет на вашей машине за нами.

Я отдал ключи. Тревога не проходила, наоборот, усиливалась по мере того, как мы, не обращая никакого внимания ни на дорожные знаки, ни на огни светофоров мчались по ночному городу на бешеной скорости.

И уже совсем скоро мы выехали за пределы кольцевой, и теперь неслись в полной темноте. Я потерял все ориентиры, и мне ничего не оставалось делать, как отжаться на милость судьбе.

Впрочем, это ночное ралли длилось не слишком долго. Мы въехали в какой-то огороженный высоким забором поселок и остановились возле одного из дома. Даже в темноте я сумел заметить, какое это большое строение.

— Приехали, Леонид Валерьевич, — произнес первые за всю дорогу слова Фрадков.

Телохранитель открыл дверцу, и я вылез из джипа. Фрадков последовал за мной.

— Проходите, — бросил он мне перед дверью.

Фрадков поднимался впереди меня по

лестнице на второй этаж. Я смотрел на его приземистую фигуру с короткой шеей и продолжал гадать, зачем он меня позвал к себе? Он ввел меня в какую-то комнату и зажег свет. Я огляделся вокруг и понял, что нахожусь в небольшой картинной галерее. Картин висело немного, не более десяти. Примерно половина из них принадлежали кисти Модильяни, стиль его работ спутать было даже при большом желании крайне трудно. Но меня гораздо больше радовала не возможность лицезреть полотна великого мастера, а то, что я наконец понял, зачем меня сюда пригласили; хозяин этого великолепного особняка хотел похвастаться своей коллекцией. А значит надо без промедления изображать восторг.

Я стал ходить от одного полотна к другому и около каждого издавать восхищенные междометия, по возможности разные. Наконец осмотр окончился. Я подошел в Фрадкову.

— Это замечательно, как вам удалось собрать такую коллекцию. Каждая картина стоит огромных денег.

— Вы правы, вот это последнее мое приобретение обошлось мне в пять миллионов баксов, — с гордостью показал он мне на мужской портрет. — Я купил его на аукционе в Лондоне. Увел прямо из рук какого-то арабского шейха. Он был просто не в себе от ярости. Видели ли бы вы в

тот момент его бородатую физиономию. — Фрадков неожиданно довольно хихикнул.

Я представил себе разъяренного бородатого шейха и тоже издал смешок.

Фрадков стал рассказывать мне о каждой картине, причем, говорил с большим знанием дела. Я, вспоминая прочитанные совсем недавно страницы монографии о художнике, вставлял, как мне казалось, вполне дельные замечания. И по реакции Фрадкова видел, что он доволен моей компетентностью. Ему явно нравилось, что он имеет показывать свои сокровища не дилетанту, а знатоку вопроса.

Экскурсия завершилась, Фрадков выключил свет, затем запер свою домашнюю галерею.

— Вы хотите кофе или чаю? — вдруг спросил он.

Я хотел спать, шел уже второй час ночи, но я мог сделать выбор только из двух напитков. Я остановился на чае.

— Пойдемте, — сказал Фрадков.

Мы спустились по лестнице, прошли каким-то длинным коридором и оказались в просторном помещении, судя по всему кухне. От всех других кухней, в том числе моей, она отличалась лишь размерами, которые были сопоставимы со всей квартирой, в которой я живу.

— Садитесь, я приготовлю чай.

Я сидел на стуле и не мог поверить своим глазам: председатель правления крупного концерна, руководитель одного из самых больших отечественных банков, один из самых богатых людей страны готовит мне чай.

Было от чего прийти в ажиотаж. Даже расхотелось спать.

Фрадков разлил чай по чашкам, достал печенье, конфеты, расставил все это на столе и сел напротив меня. Я все еще никак не мог прийти себя от изумления, во всей этой сцене заключалось что-то сюрреалистическое. Продолжая художественную темы можно было бы сказать, что эта сцена вполне достойна кисти Сальватора Дали.

Мы пили и молчали. Причем, с каждой минутой молчание давило все сильнее. По крайней мере на меня, не знаю уж как на Фрадкова. Я решил спросить первое, что пришло в голову.

— Вы один живете в этом доме?

Фрадков посмотрел на меня своим непроницаемым взглядом и внезапно засопел.

— Один.

— А ваша семья живет в другом месте?

Фрадков засопел еще громче, я же почувствовал тревогу. Не ломлюсь ли я в запретную для расспросов зону?

— Моя семья живет в другом месте. В Париже. Так нам удобней, — пояснил он после

небольшой паузы.

— Наверное, жить одному в таком большом доме одиноко?

И снова я услышал ответ только после паузы.

— Он не такой уж и большой. Всего триста пятьдесят квадратных метров.

— Мне всегда хотелось иметь свой дом, но все как-то не получалось, — заметил я.

И снова последовала очередная пауза, прежде чем я дождался очередного ответа.

— На самом деле все это получить не так уж и сложно. Я даже не думал, что это на самом деле так легко.

— Честно говоря, я даже не знаю, с чего начать.

Хозяин особняка помешал ложечкой в чае.

— Не важно, с чего начать, можно начинать с любого дела. Гораздо важней, чем все это закончится.

Я сделал последний глоток из кружки и снова почувствовал растерянность. Когда я пил чай, то был, по крайней мере, при деле. Теперь же я не представлял, каким должен быть мой следующий шаг.

Мои сомнения развеял Фрадков. Он посмотрел в мою опустевшую чашку.

— Вы можете ехать домой. Ваша машина находится тут, рядом. Он встал и направился к